

КСЕНИЯ ЛИВ

18+

ВОСЬМЫЕ

LIKE
BOOK

Первая глава любви

Ксения Лив

Восьмые

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лив К.

Восьмые / К. Лив — «Эксмо», 2026 — (Первая глава любви)

ISBN 978-5-04-250987-2

Яркий и незабываемый роман о запретной связи, борьбе за свободу и исцеляющей силе общей боли — в мире студенческого лакросса, где враги вынуждены стать союзниками. Реалистичный и эмоционально достоверный мир с напряжённой атмосферой спортивной академии, выстроенной на контрасте двух команд: «Акул» и «Воронов». Тропы: • «От врагов к союзникам — и дальше». • «Вынужденная близость в раздевалках и на тренировках». • «Общая травма / общая боль». • «Я спасу тебя, даже если ты мой враг». • «Сильная героиня без "плана Б"». Динамичный сюжет, эмоционально заряженные отношения и уникальная атмосфера студенческого спорта делают роман привлекательным как для онлайн-аудитории, так и для широкой книжной розницы. Идеально для поклонников напряжённой химии между героями и историй, где любовь рождается не вопреки, а благодаря общим шрамам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250987-2

© Лив К., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Векса	6
Кэмерон	9
Глава 2	14
Векса	14
Кэмерон	17
Глава 3	20
Векса	20
Кэмерон	26
Глава 4	29
Векса	29
Кэмерон	34
Глава 5	37
Кэмерон	37
Векса	41
Глава 6	44
Векса	44
Кэмерон	49
Глава 7	53
Кэмерон	53
Векса	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ксения Лив

Восьмые

Иллюстрация на обложке *Scarlet Mist*

© Ксения Лив, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается тем, кто привык прятать ираны – под плотной одеждой, маской цинизма или широкой улыбкой. Даже если кажется, что весь мир против вас, помните: вы не одни.

Сделайте свою слабость главным преимуществом. Сделайте ее манифестом.

Глава 1

Векса

Нога под столом отбивала неровную дробь. На доске мистер Коллинз увлеченно выводил символы – для меня они оставались шифром без ключа. Спасением был листок с формулами: я придвинула его ближе, сверяя строчку за строчкой. Щелчок ручки. Раньше такая сосредоточенность включалась сама, стоило только почувствовать под ногами упругость гимнастического бревна. Теперь же вместо концентрации осталась лишь боль в колене, которое ныло в холодную погоду.

– Найдите вершину параболы, – прошептала я под нос, но мысли упорно возвращались к блистеру с таблетками, спрятанными в сумке.

На дне рюкзака лежала пачка обезболивающего. Я раздумывала, не проглотить ли таблетку прямо сейчас, хотя и обещала маме слезть с них. Фантомный хруст в суставе, казалось, звучал громче голоса учителя.

В математике я никогда не блистала. Зато отлично усвоила другое уравнение: мои оценки, помноженные на прогулы, равнялись безоговорочному отчислению. А дальше – прямая дорога в гимназию Святой Патриции. Личный ад с кружевными воротничками и молитвами по расписанию.

– Если координаты вершины... – Я нахмурилась, вглядываясь в цифры. – Ветви направлены вверх, значит, старший коэффициент...

Решение не находилось. Сдавшись, я откинулась на спинку стула и повернулась к Кайле, которая сидела рядом, подперев щеку ладонью. Солнечный луч выхватывал из полумрака россыпь веснушек на переносице. На полях тетради розовая гелевая ручка выводила каракули. Я знала их наизусть: маленькие, старательно обведенные сердечки, а внутри – две переплетенные буквы «К» и «Н».

– О боже, Кай. – Я ткнула ее карандашом в плечо. – Снова он?

Кайла вздрогнула и резко накрыла тетрадь ладонью, но было поздно.

– Он... – сипло выдавила она, не поднимая головы. – Он так и не перезвонил.

– После того вечера?

Кайла кивнула, поджав губы.

– Почти месяц переписок, – тоскливо пробормотала она. – Списывались каждый день, скидывали фотки в Снэпе...

Я хмыкнула, вспоминая, как весь прошлый месяц подруга не выпускала телефон из рук. Рассказывала о парне, снимках: она слала рисунки, он – обнаженный торс. Типичный сценарий для парней из «Рэйвенкрофта»: получить порцию внимания и исчезнуть, когда дело доходит до серьезного.

– А стоило встретиться и...

Я покачала головой. Пододвинула ее тетрадь и зачеркнула букву «Н» в самом большом сердечке. Кайла поморщилась, но возражать не стала. Она смотрела, как я ставлю на чистом листе точки и провожу между ними резкую, четкую линию.

– Ну и кретин... – пробубнила я и тут же прикусила язык – как бы я ни злилась на Ноя, мне совсем не хотелось ранить Кайлу.

– Все в порядке. Он и правда кретин.

– Не бери в голову. – Я чертила следующую линию. – Он еще не понял, как облажался. Придурку не хватает мозгов осознать, что за такими, как ты, выстраиваются очереди. Он просто не из твоей лиги, Кай.

Кайла заправила за ухо выбившийся локон. Уголок рта дрогнул в неуверенной улыбке.

– Думаешь?

– Уверена. И Ной свой шанс упустил. Пусть катится к черту.

Кайла вздохнула. Я замкнула на бумаге последний квадрат, и по ее щекам поползла краска – сначала едва заметные пятна, которые быстро слились в пунцовый румянец. Она отвела взгляд, будто на лице было написано то, о чем не хотелось говорить вслух.

– Дурацкая игра, – выдохнула она, швырнув ручку на парту. Та звонко отскочила и улетела куда-то на пол. Кайла демонстративно отвернулась к окну.

– Он того не стоит, Кай, – добавила я, отодвигая тетрадь. – Мир не крутится вокруг подонков из «Рэйвенкрофта».

– Я знаю, но... – Ее голос сорвался на сип. Она судорожно сглотнула, сжав кулаки на коленях. – Не могу выбросить его из головы. Кажется, будто это я... сделала что-то не так. Не так посмотрела. Была недостаточно...

– Перестань, – перебила я. Имя «Ной» горчило на языке, словно лимон. – Ему мало было просто исчезнуть. Он вдобавок заставил тебя сомневаться в себе. Но проблема в нем, Кай. Только в нем.

Она стиснула зубы так, что губы превратились в тонкую белую линию. Слез я не разглядела – только влажный блеск в глазах, который она смахнула рукавом свитера.

Кайла не хотела слышать. Не хотела признавать, что «золотые мальчики» из «Рэйвенкрофта» играют по своим правилам. Ночные звонки и бесконечные переписки для них – лишь разминка, способ убить время между тренировками и вечеринками. А когда доходит до настоящего, они отступают, оставляя после себя дежурное «прости, дело не в тебе...».

– Эй, – я снова коснулась ее руки, – послушай...

Резкий, протяжный звонок утопил слова в грохоте стульев и гуле голосов. Я закинула тетрадь в рюкзак и застегнула молнию.

– Это не конец разговора, – бросила я через шум. – Поняла?

Подруга натянуто улыбнулась, перебросила лямку через плечо и пошла к выходу. В этот момент я заметила толпу у двери. Обычно шумные старшеклассники Сильверпайна стояли плотной стенкой, блокируя выход и напряженно перешептываясь. В воздухе отчетливо запахло скандалом.

– В чем дело? – Я наклонилась к уху Кайлы.

– Не знаю. – Она пожала плечами, замедлив шаг.

Галдеж стих. Ученики расступились, пропуская высокую фигуру в безупречном твидовом костюме. Незнакомец держался особняком: густые брови сведены к переносице, взгляд тяжелый, сканирующий. Рядом суетился мистер Коллинз, кивая, словно китайский болванчик.

– Всем сесть! – Голос Коллинза сорвался на писк. – Мистер Харрисон хотел бы обратиться к вам.

По классу прокатилась волна недовольства. Заскрипели стулья, кто-то демонстративно вздохнул. Мы с Кайлой вернулись к партам – любопытство перевесило желание уйти.

Пришедший громко прочистил горло.

– Прошу тишины, – отчеканил он. Класс послушно замер под тоном, не терпящим возражений. – Меня зовут мистер Харрисон. Я – скаут спортивной академии «Стилстоун».

Напряжение сгустилось. Парни с задних парт переглянулись с азартными усмешками.

– У меня для вас новость, – продолжил он, обводя класс пронизывающим взглядом. – В рамках экспериментальной программы равных возможностей от «Стилстоуна» ваша школа открывает новую секцию. Лакросс. Чтобы дать шанс каждому, организаторы решили сделать команду смешанной. Правила жесткие: модель игры – бесконтактная.

Я поежилась, нервно крутя на пальце кольцо. Холодный металл впивался в кожу, но это ощущение меркло перед ледяным оцепенением, что расплзалось в груди. От слова «спорт»

желудок скрутило узлом. Я машинально опустила руку под парту, касаясь жесткого ребра фиксатора на колене. Я носила его постоянно, скрывая под одеждой главную слабость. Полгода изнурительной реабилитации – а я все равно чувствовала себя сломанной куклой, которую наспех склеили и выставили на витрину.

– Участников ждет особый турнир. – Голос скаута прозвучал гулко, словно удар снаряда. – Для тех, кто проявит себя, предусмотрена полная стипендия в университете.

– А вам-то какая выгода? – раздалось сзади.

Я резко обернулась. Райан бесцеремонно забросил ноги на стол: его потрепанные кроссовки едва не коснулись моего плеча. Он надменно щелкал костяшками пальцев, не сводя наглого взгляда с Харрисона, но на мгновение отвлекся на меня и едва заметно приподнял бровь, словно спрашивая «Чего уставилась?».

– Наша академия ищет игроков, готовых выкладываться на все сто, – ответил мистер Харрисон, мастерски проигнорировав вызов. – Стипендия – мотивация для вас. Для нас – фильтр. Способ отобрать тех, кто голоден до побед и не пасует перед высокой планкой.

Класс взорвался. Гул, смех и возбужденный шепот слились в шум, отдающийся в висках звоном. Колено под столом затряслось с новой силой, а кончик ботинка начал лихорадочно бить по ножке парты.

– Набор ограничен. – Голос Харрисона нарушил гам. – Если хотите успеть – подойдите в спортзал к тренеру Морган и запишитесь.

Я вцепилась ладонью в бедро, вжимая ногу в сиденье и пытаясь сдержать нарастающую дрожь, но тело больше не слушалось. Оно помнило вкус адреналина – и боялось его до тошноты.

– У вас есть шанс не только показать себя, но и открыть новые возможности, – добавил Харрисон. Тяжелый, оценивающий взгляд скаута медленно пробежал по рядам в поисках искры интереса. – Не упустите его.

Он почти по-военному кивнул, развернулся на каблуках – идеально отполированные туфли скрипнули по полу – и вышел.

Перед глазами поплыло, в ушах застыл тонкий, оглушающий звон. Мысли в очередной раз швырнули меня в тот злосчастный день, подсовывая обрывки воспоминаний: влажный, тошнотворный хруст связок, ослепительно-белая вспышка боли...

– Ви?

Голос Кайлы, мягкий и настороженный, прозвучал у уха. Я вздрогнула и вскинула голову. Класс ожил: ученики поднимались с мест, грохоча стульями и выкрикивая через головы единственное слово: «лакросс».

– Я... – хрипло выдавила я, сглотнула, пытаясь протолкнуть вставший в горле ком. – ... в порядке.

– Идем? – Кайла нахмурилась, глядя на мою руку, все еще мертвой хваткой сжимающую бедро.

Дрожь наконец отступила, оставив после себя знакомую, изматывающую боль.

– Да, – выдохнула я.

Забросила рюкзак на плечо, игнорируя протестующий импульс в колене, и покинула класс.

Кэмерон

Я сел на скамейку. Громкий бит в наушниках мгновенно отрезал меня от реальности. Басы «Enter Sandman» вышибали из головы лишний мусор. Пальцы знали свою работу: натягивая черный тейп, я методично покрывал им рукоять клюшки.

Воздух в раздевалке густел от криков и грохота железных шкафчиков. Парни орали, швыряли мокрые полотенца и проверяли инвентарь – привычная предматчевая лихорадка, бессмысленный выброс адреналина.

Доведя ленту до верха, я взял канцелярский нож. Лезвие со щелчком выскочило из паза. Точный надрез – и конец тейпа намертво закреплен. Я сжал рукоять, проверяя хват. В отличие от Ноя, привыкшего полагаться на удачу, у меня хватало мозгов готовить снаряжение заранее.

Вдруг я заметил, как вспыхнул экран телефона.

«Транзакция отклонена. Недостаточно средств».

Внутри все похолодело. Старик все-таки сделал это. Перекрыл кислород прямо перед выходными.

Я перешел к смазыванию сетки воском, подавляя закипающую ярость. Как вдруг на меня упала тень.

– Дружище, ты вообще здесь? – Голос Ноя пробился сквозь гитарный строй, когда он выдернул наушник из моего уха.

– Какого черта, Саттерс? – Я оскалился, вырывая провод из его пальцев. – Заняться нечем? На твоем месте я бы проверил палку. – Я кивнул на его клюшку, прислоненную к шкафчику. Сетка висела кое-как. – А то обделаешься, как в прошлый раз.

– О, узнаю этот занудный тон, – фыркнул Ной, широко ухмыляясь. – Наш полузащитник снова включил режим «капитана».

Я поморщился, выдернул второй наушник и забросил провода в шкафчик. Повернулся к парням, упираясь ладонями в деревянную скамью.

– Если на решающей передаче у тебя снова выскользнет клюшка и мы потеряем очко – пеняй на себя, – прошипел я.

– Так мы же в итоге выиграли! – вставил Оливер, натягивая через голову джерси. Плотная ткань с номером «1» с трудом налезла на его широкие плечи. – Три очка в копилке. Какая разница, как мы их достали?

– Разница в том, – я уперся ладонями в скамью, – что, если бы я не сделал тот слайд и не выбил мяч у нападающего «Вайорна», они бы сравняли счет. На последней секунде, Оли. Понял? *На последней.*

Ной закатил глаза и скрестил руки на груди, отчего цифра «девять» на джерси деформировалась.

– Ах да, – протянул он с сарказмом. – Я совсем забыл, что мы здесь всего лишь статисты при великом Кэмероне Риде. Без его героического броска мы бы непременно проиграли этим криворуким щенкам.

Воздух в раздевалке стал тяжелым и липким. Я сжал кулаки, костяшки побелели. Челюсти сводило так, что пульсация в висках стала болезненной. Любой конфликт сейчас – все равно что плеснуть бензина в костер. Одна искра, и вместо тактического разбора начнется потасовка, разбитые суставы и очередные нотации от тренера.

Оливер, почуяв накал, вклинился между нами. Он выудил из-за спины моток ярко-розового тейпа и с глухим шлепком впечатал его в грудь Ноя.

– Эй, Саттерс, твоя потеряшка? – бросил он, широко улыбаясь.

Глаза Ноя округлились. Он опустил взгляд на моток, и бравада мгновенно слетела с лица. Складка между бровей разгладилась; он тряхнул светлыми кудрями, принимая тейп почти с благоговением.

– Моя, – выдохнул он, и голос заметно смягчился. – Где нашел?

– Под шкафчиками. – Оливер небрежно махнул рукой в сторону угла, подхватывая клюшку. – Видимо, с прошлой игры закатилась.

Ной поднял розовый моток перед самым лицом, рассматривая его как редкую драгоценность, а затем громко приложился к нему губами. Я шумно выдохнул сквозь зубы и сдвинул переносицу, пытаясь скрыть ухмылку.

Как вообще можно всерьез злиться на этого идиота? На лице – энтузиазм ретривера, розовый тейп вместо талисмана, а на удачу – боксеры со Спанч Бобом.

– Вернулась, красotka, – торжественно провозгласил Ной, с треском отрывая край ленты.

Оливер тут же протянул ему клюшку. На рукояти лохмотьями болталась старая обмотка.

И так всегда. Всякий раз, когда на поле сдавали нервы, Первый номер находил способ мирно решить конфликт. Определенно, самая смышленная рыбка в стае диких «Акул».

– Теперь точно никуда от меня не денешься, – бормотал Ной, с упоением обматывая рукоять розовой лентой.

Градус напряжения наконец снизился. Я отвернулся к шкафчику и достал пару белых, изрядно потрепанных перчаток. Взгляд зацепился за темно-синие пятна на предплечье – следы вчерашнего «воспитательного процесса». Они уже начали желтеть по краям, расцветая уродливой картой на коже.

Черт. С этим нужно что-то делать.

Оливер посмотрел на меня, нервно постукивая пальцами по ребру клюшки.

– Так что сегодня по отработкам, Кэм? Тренер сказал хоть что-то?

Я быстро натянул перчатки, скрывая отметины, но воздух в раздевалке вздрогнул.

– Ну что, мои кровожадные акулы, готовы превратить тренировку в настоящее месиво?! – Низкий голос тренера Маркуса заполнил пространство.

Он встал в дверном проеме, грузный и незыблемый, раскинув руки, будто собирался обнять всех нас сразу – или придушить. Не отворачиваясь, я качнулся в сторону, бросив Оливеру через плечо:

– Думаю, вопрос снят.

Тренер сверкнул голливудской улыбкой. Его взгляд, быстрый и цепкий, фиксировал малейший изъян: развязавшийся шнурок, недокрученный тейп, неуверенная поза. Наконец глаза Маркуса остановились на клюшке Ноя.

– Опять эта розовая дрянь, Саттерс? – Тренер склонил голову набок, в голосе заплескали опасные смешинки. – Тебя что, в детстве мама мало на руках носила? Или ты из тех, кто в песочнице строил замки для Барби?

Ной поперхнулся воздухом. Щеки раздулись, словно у рыбы-шара. Мы с Оливером переглянулись: начинался очередной спектакль.

– Это не дрянь! – взорвался Ной, прижимая «красавицу» к груди так, будто это был его первенец. – Это талисман! Мы «Волкам» в прошлый раз чуть не продули, потому что я играл с тейпом Кэма! С этой... этой черной тоской!

Он ткнул пальцем в сторону моей клюшки, лежащей на скамейке, и его лицо исказилось в гримасе отвращения.

– Вы только посмотрите на нее! В таком цвете только на похороны ходить или в монастырь подаваться.

Оливер осторожно положил руку на плечо Ноя, пытаясь вразумить его, но это было равносильно попытке остановить лавину голыми руками. Я глубоко вздохнул, потирая переносицу.

– Ной, может, хва...

– А вот это! – Ной взметнул розовую клюшку перед лицом ошеломленного тренера, игнорируя наши попытки его заткнуть. – Это – оружие! Мощь! Стил! Энергия! Противник ослепнет от ее величия, подавится завистью и отступит! Розовый – это не просто цвет, тренер! Это манифест! Это...

Раздался оглушительный, режущий уши свист. Ной резко замолк, будто ему перекрыли кислород. Тренер Маркус медленно вынул свисток изо рта.

– Хорош, Саттерс, с твоим манифестом все ясно, – прорычал он. – Еще одно слово – и твой розовый талисман отправится в мусорное ведро, а ты – бегать круги до тех пор, пока не вспомнишь, что такое дисциплина. Ясно?

Благо даже этот полудурок не осмелился распаляться дальше. Ной лишь коротко кивнул. Его недавняя бравада испарилась, сменившись покорностью.

И только в наступившей тишине я заметил кое-что новое. За массивной спиной Маркуса стоял незнакомец. Его широкие плечи почти заполняли дверной проем, а на губах играла едва заметная усмешка.

Тренер, почувствовав мой взгляд, обернулся и сделал шаг в сторону.

– Так, закончили балаган. – Голос Маркуса прозвучал фальшиво-бодро, он явно пытался скрыть раздражение. – Парни, перед вами мистер Харрисон. Скаут из спортивной академии «Стилстоун». Проявите уважение.

Ной издал странный булькающий звук, будто подавился языком, и тут же громко, неуклюже кашлянул в кулак. По раздевалке пронесся почти физически ощутимый электрический разряд. Спины выпрямились, подбородки вздернулись. На лице Маркуса застыло такое уничтожающее, усталое разочарование, что у меня по спине пробежали мурашки.

– Думал, покажу гостю, как мои «Акулы» настраиваются на работу. – Тренер разочарованно выдохнул, проводя ладонью по затылку. – А вы, как всегда, устроили цирк.

Ной, все еще красный от кашля, виновато хихикнул. Я тут же незаметно, но с силой пихнул его локтем. Один неверный, глупый шаг сейчас – и впечатление будет безнадежно испорчено, похоронено под грудой идиотских шуток и розового тейпа.

Оливер, наш штатный дипломат с миролюбивым выражением, уже сделал шаг вперед.

– Мистер Харрисон, мы очень сожалеем об этой...

Но скаут резко поднял руку. Жест был властным, не терпящим возражений.

– Не стоит. – Его голос прозвучал ровно и спокойно, но в нем чувствовалась стальная уверенность. – Лучше горячо спорить о цвете клюшки, – его взгляд на мгновение задержался на розовом мотке в руках Ноя, – чем молча, исподтишка, ненавидеть друг друга.

Мы с Ноем переглянулись. В его глазах читалось облегчение, смешанное с остатками испуга. Слава богу! Слава богу, этот Харрисон не зашел пятью минутами раньше и не застал нас, когда я готовился треснуть клюшкой по самодовольной физиономии Саттерса!

Тренер, не давая никому вставить и слова, продолжил:

– Мистер Харрисон здесь не просто так. У него есть предложение. Речь о турнире. Особом турнире для всех школ Сильверпайна. И поверьте, ставки в этот раз будут выше, чем ваше эго.

Скаут сдержанно кивнул, подтверждая слова тренера. Его холодные глаза вновь принялись методично обходить нас, будто сканируя и присваивая каждому предварительную оценку.

– Верно, – произнес он. – Главный приз – не просто кубок или очередная медаль. Это полная стипендия в любом университете на ваш выбор.

Ной фыркнул, первым оправившись от шока. Он даже не взглянул на скаута, а уставился на розовую клюшку, которую вновь принялся нервно тереть.

– Мы и так можем позволить себе любой университет. – В его голосе зазвенел привычный ядовитый сарказм, приправленный высокомерием «золотого мальчика». – Вы, наверное, не в

курсе, мистер Харрисон, но в «Рэйвенкрофте» учатся не беспризорники. Наши родители – те, кто решает. Оплатить учебу своему ненаглядному отпрыску в Гарварде, Йеле или Оксфорде для них все равно что мороженое купить. Это не проблема.

Я со всей дури двинул ему локтем в плечо. Сильно. Очень сильно. Ной охнул, а я сжал пальцы в дрожащие кулаки. В висках застучало, перед глазами поплыли красные пятна.

Ной вел себя так, словно его физиономия уже украшала обложку *Sports Illustrated*. Так и подмывало схватить первый попавшийся мяч и запустить в наглую рожу, лишь бы заткнуть фонтан дешевого пафоса. Передо мной появился реальный шанс, а этот идиот норовил похоронить его своим длинным языком.

Скаут прищурился, смерив Ноя холодным, лишенным эмоций взглядом.

– Девятый номер... – многозначительно протянул он, делая паузу, будто сверяясь с невидимым списком. – Ной Саттерс, верно? Нападающий «Акул»? Тот самый, что забил семь голов в прошлом сезоне, но совершил вдвое больше потерь?

Ной на мгновение смутился, пойманный на статистике, но тут же выпрямился, закинул клюшку на плечо и самодовольно ухмыльнулся:

– В общем-то, да. Тот самый.

– В таком случае, Саттерс, – продолжил скаут, нарочито медленно оглядывая раздевалку, чтобы втянуть в разговор каждого, – для учеников «Рэйвенкрофта» будет действовать особая награда. Помимо стипендии. – Он сделал театральную паузу, наслаждаясь тишиной. – Если «Акулы» выиграют турнир, каждый игрок основного состава получит персональный денежный грант.

Голоса в раздевалке стихли окончательно. Я почувствовал, как под ребрами что-то болезненно сжалось. В голове бешено завращались шестеренки, выстраивая и ломая сценарии. Стипендия была билетом, но грант... Это были «живые» деньги. Не отцовские подачки, которые он мог отобрать щелчком пальцев, а *мои*. Первый взнос за съемную квартиру. Шанс перестать дышать одним воздухом с человеком, которого я ненавидел.

– Какие условия? – Мой голос прозвучал резче, чем я планировал.

Наши глаза встретились. Мышцы спины натянулись до предела. Харрисон изучал меня тяжело и оценивающе, словно хищник перед схваткой. Точно так же на меня смотрели соперники на поле, пытаясь предугадать, буду я играть честно или грязно.

И, если быть до конца честным... я всегда выбирал второй вариант, если он гарантировал победу.

– Серия матчей между школами, – отчеканил мистер Харрисон. – По итогам будут отобраны лучшие из лучших. Две команды. Один финал. Победитель получает право выбора: либо стипендия в любом университете мира, либо... – он снова посмотрел на Ноя, – денежный грант. Для всей команды.

Я сжал кулаки так, что перчатки натянулись на костяшках. Взгляд опустился на татуировку цепей, оплетающих бицепсы. В ушах поднялся гул, перекрывающий звуки раздевалки. Гвалт парней и хлопанье дверей шкафчиков утонули в ядовитом шепоте из прошлого: «*Молчи, щенок! Только попробуй кому-то рассказать – покатишься отсюда к чертовой матери!*» Но теперь этот голос заглушало другое – мощное, пульсирующее в висках: «*Выбор. Свобода. Шанс. Все или ничего*».

– Мы согласны, – выдохнул я, вторя мыслям.

Нельзя упустить. Нельзя позволить надежде ускользнуть.

Ной рядом взбеленился:

– Хрена с два, Кэм! Ты в своем уме? Мы пришли играть, драйв ловить, а не прогибаться ради бабок. Мне вообще по барабану...

– Двадцать пять тысяч долларов, – холодно и четко, словно выстрел в упор, перебил скаут. – Наличными. Каждому игроку основного состава. И, – он сделал паузу, добивая сомне-

вающихся, – если покажете лучшую игру, академия рассмотрит вариант с полностью оплаченной стипендией в «Стилстоун» для самых достойных. Вне зависимости от исхода финала.

Половина команды так и замерла с открытыми ртами, превратившись в выброшенных на берег рыб. В воздухе повисла звенящая тишина. Ной презрительно скривил губы – подумаешь, стоимость хорошей поездки на выходные! – но скаут так виртуозно перехватил инициативу, что даже наш главный болтун предпочел промолчать.

Двадцать пять тысяч!

Прошляпить такое было бы преступлением. И если этот бесшабашный идиот готов разбрасываться будущим ради пустых понтов, то я отступить не собирался.

– Ну что, «Акулы»? – Голос скаута прозвучал низко, каждое слово было отточено, как лезвие. Уголки его губ дрогнули в уверенной ухмылке. Он мастерски поднял ставки. – Готовы принять вызов? Включаю вас в список?

Мы переглянулись – молниеносный, безмолвный совет. По тому, как тяжело вздымалась грудь Оливера, и по тому, как глаза Ноя вспыхнули жадным азартом, я понял: парни согласны. Возможность сама плыла в руки.

Я медленно перевел взгляд на мистера Харрисона, чувствуя, как на лице появляется та же хищная улыбка, что и у него. В горле запершило от выброса адреналина.

– Включайте, – отчеканил я. – Мы устроим на поле кровавую баню и надерем задницу каждому, кто выйдет против нас.

Маркус взбодрился. Его губы растянулись в одобрителной усмешке. Он оглушительно дунул в свисток, и пронзительный звук эхом отразился от бетонных стен.

– Вот это я понимаю – боевой настрой! – Тренер похлопал нас с Ноем по плечам. Тяжелая ладонь едва не вогнала меня в пол. – Теперь я вижу звериную хватку! – Он обернулся к скауту: – А теперь, парни, на поле! Покажите мистеру Харрисону, на что способны голодные акулы, почуявшие кровь!

Глава 2

Векса

Старые качели поскрипывали, выбивая унылый, монотонный ритм. Я перекатывалась с пятки на носок и наблюдала за детьми, носящимися по площадке.

Внутри больно и остро кольнуло, когда у брусев я заметила девочку лет десяти – легкую, как пушинка. Она ловко взлетела на перекладину и сделала простенькое, но такое знакомое вращение. Мышцы непроизвольно сократились, вспомнив каждое движение: ощущение полета, момент группировки и абсолютный контроль. Теперь он казался чистой фантастикой – сродни умению дышать под водой.

– Да, к нам тоже приходили, – отозвался Тайлер. Его голос прозвучал приглушенно, словно сквозь слой ваты.

Он мерно покачивался рядом, длинные ноги волочились по песку, оставляя две ровные борозды.

– Многие записались на пробные тренировки. Шанс, конечно, хороший... если пахать как проклятый. Но за него будут драться все школы Сильверпайна.

Я опустила голову, разглядывая паутину тонких трещин на песке. Они казались картой моих перспектив. Борьба заведомо неравная. Смешанные команды – риск, граничащий с безумием. Даже с запретом на контактную игру, на поле всегда найдется кто-то, кто не станет придерживаться правил.

– Особенно те, для кого эта стипендия – единственный способ выжить, – выдохнула я, поднимая голову.

Ветер трепал каштановые волосы Тая, бросая непослушные пряди на лоб. На его губах играла мягкая, ободряющая улыбка, но взгляд оставался холодным и отстраненным.

Мысль о гранте поселилась в голове как навязчивый паразит. Впереди был выпускной год – последний рубеж, чтобы выбраться из этой дыры. Двери в большой спорт захлопнулись с оглушительным грохотом. Осталась лишь надежда, что скудных знаний хватит, чтобы поступить хоть куда-то, где нет запаха талька и матов.

– Детка, что с тобой? – Голос Тая прозвучал ближе, вырывая меня из вязкой трясины мыслей. Он перестал раскачиваться и пристально посмотрел на меня: – Что-то случилось?

Видимо, я была открытой книгой, на страницах которой жирным шрифтом он прочитал отчаяние.

– Ничего, – прошептала я, снова уставившись в землю.

В следующую секунду на подбородок опустил его ладонь. Тайлер мягко, но властно приподнял мою голову, заставляя посмотреть на него.

– Это из-за турнира, да? – прямо спросил он. – Хотела попробовать?

Горький ком подкатил к горлу. Я судорожно сглотнула, чувствуя, как воздух свистит в легких.

– Думала об этом, – выдохнула я, не в силах оторваться от его янтарных глаз. – Но это безумие. После операции прошло всего полгода. Колено все еще живет своей жизнью – ноет на каждый сквозняк и подкашивается само по себе. Оно предаст меня при первом же рывке.

Тай попытался улыбнуться, но я заметила, как дрогнули уголки его губ. Брови на секунду подскочили вверх – гримаса боли, которую я научилась читать за эти месяцы.

– Хорошо, что ты это осознаешь. – Его голос смягчился, обретая покровительственные нотки. Он провел большим пальцем по линии моего подбородка, и я непроизвольно вздрогнула, едва сдержав порыв отпрянуть. Прикосновение, которое раньше приносило покой, теперь

ощущалось как проверка границ. – Даже если не порвешь связку снова, можешь окончательно добить мениск... – Он тяжело вздохнул, отвернувшись к площадке. Его следующую фразу я едва расслышала: – Сама прекрасно знаешь, чем это заканчивается.

Я молча кивнула, поджав губы. Страх, холодный и липкий, сжимал горло. Любое напоминание о спорте теперь вызывало почти животный ужас. Но под ним все еще тлел другой огонь – жгучее желание вернуть то, что заставляло кровь кипеть. Снова ощутить сладкую, выматывающую истому в мышцах, когда мир сужается до размеров зала. Осознание, что это может никогда не вернуться, было мучительнее любой реабилитации.

– Но ведь можно попробовать... с жестким фиксатором?

– Исключено, – отрезал Тайлер. – Даже с наколенником риск запредельный. Ты вообще представляешь, чем это может обернуться? Сейчас колено просто ноет и иногда подводит... – Он шумно выдохнул, касаясь моих щек, и на этот раз пальцы обжигали. – А что будет, если травма станет непоправимой? Оно будет хрустеть при каждом шаге. Боль не отпустит тебя даже ночью. Ты этого хочешь, Ви?

Его слова вонзались в меня, как лезвия. Тайлер не просто советовал – он выносил приговор, отнимая последнюю призрачную надежду на возвращение.

– Я просто... хочу попробовать. – Голос сорвался на шепот. – Хочу снова просыпаться и знать, для чего я живу. Иметь цель. Мечту. Все то, что в один миг отняли...

Горячая слеза скатилась по щеке. Тайлер тут же поймал ее большим пальцем. Янтарь его глаз потеплел. После травмы между нами выросла стена – я видела, как он отдаляется, как он смотрит на меня с жалостью и странным чувством вины, пока я медленно угасала. Но даже сквозь эту стену пробивалось что-то настоящее. Пусть чувства и переплавились в ответственность или привычку – он все еще был здесь, был рядом.

– Детка, я ведь хочу как лучше... – прошептал он. – Я был там, когда тебя уносили из зала. Слышал, как ты кричала. – На миг он замолчал, отворачиваясь. – Я не переживу этого снова.

Качели жалобно скрипнули, словно вторя отчаянию в груди. Он боится за меня. А я... я давно живу в страхе, приправленном слабостью и тошнотворной жалостью к себе. Но в глубине души выбор был сделан: я должна попробовать. Даже если это станет концом.

– Мне решать, что для меня лучше, Тай, – горячо выдохнула я, с раздражением смахнув слезы рукавом свитера. Грубая шерсть неприятно царапнула кожу. – Дело ведь не только в стипендии. Речь о том, что я чувствую здесь.

Я прижала кулак к груди, где все стянулось в тугой узел.

– Я должна попробовать. Даже если это будет стоить мне всего.

– Хорошо, – резко бросил он. В глазах проступил холод, появлявшийся всякий раз, когда я переставала быть «удобной». – А как насчет твоих планов? Подтянуть оценки, нагнать программу, выбрать колледж... Если ты ввяжешься в эту авантюру, сколько времени сожрут тренировки? Ты не сможешь совмещать, Ви. Проиграешь турнир – завалишь год. Останешься ни с чем.

Я не заметила, как впилась ногтями в ладони, да так, что на коже остались алые полумесяцы. Они пульсировали в такт учащенному сердцебиению.

– Все или ничего, Ви. – Тайлер не оставлял попыток «вразумить» меня. – Оправдывает ли призрачная награда такой риск?

Внутри что-то болезненно дернулось – знакомое, предательское сокращение мышцы. Колено затряслось мелкой, неконтролируемой дрожью. Я спешно накрыла ладонью бедро, вжимая его в сиденье качелей. Отчаянно хотела верить, что это всего лишь нервы, а не физический изъясн. Но сустав капризничал каждый раз, стоило лишь подумать о возвращении в спорт.

«Психосоматика, – говорила физиотерапевт, глядя на меня с мягким, жалобным сочувствием. – Твое тело помнит боль. Оно выстраивает баррикады, пытается защитить тебя, даже когда реальной угрозы нет. Это подсознательный страх».

Но как объяснить телу, что этот страх медленно убивает меня изнутри?

– Детка? – снова позвал Тайлер.

Я подняла голову. Небо над нами медленно угасало, разливаясь по горизонту сине-нево-розовыми красками, которые словно вымывали остатки дня и мои последние силы.

– Мне пора, – выдохнула я, поднимаясь. Цепи громко звякнули, будто протестуя против ухода. – Мама ждет к ужину. Обещала какую-то важную новость.

Во взгляде Тайлера мелькнула тень досады, но он не стал продолжать спор. Вместо этого просто встал и протянул руку – жест поддержки и молчаливого перемирия.

– Тогда идем. – Он сдержанно улыбнулся, но его глаза оставались непроницаемыми. – Провожу тебя до дома.

Кэмерон

Я закатал рукав, с усилием проталкивая ткань по предплечью, и положил руку на липкий от пива стол. Под тонким слоем защитной пленки темными линиями плыл новый рисунок. Цепи, тянувшиеся от самого плеча, теперь обрывались у запястья раскрытой акулой пастью – оскаленной, с рядами идеально прорисованных острых зубов.

– Да ты гонишь, – протянул Ной, присвистнув. Он прищурился, бесцеремонно притягивая мою руку к свету. – Это ты когда успел? Свежак?

Я молча кивнул, подхватывая запотевшую кружку. Сделал большой глоток ледяной колы, чувствуя, как пузырьки обжигают горло. Вечером мы завалились в «Переулок». Парни – чтобы закинуться парой пинт холодного пива, которое им втихую продал знакомый бармен, а я – чтобы лишний раз не светиться дома. Два дня назад мать укатила в Вашингтон на переговоры, и это означало, что на ближайшие недели я заперт в одной клетке с «цербером».

– На тебе уже живого места не осталось, – заметил Линкольн, лениво пережевывая соломинку. – Ты как раскраска, Кэм. Только кто-то явно перестарался и закрасил все к чертям.

– Серьезно, – фыркнул Ной, отпуская мое запястье. – Зачем их столько? Ты уже под завязку забит.

Я одернул рукав, скрывая рисунок. Сжал стакан так, что стекло едва не треснуло. В такие моменты чертовски хотелось не этой приторной шипучки, а чего-то, что могло бы выжечь все внутри. Виски. Или хотя бы крепкого эля, чтобы заглушить голоса в голове.

– Нравится, – бросил я, отставляя стакан со звонким стуком.

Я почти не врал. Мне нравился процесс – монотонное жужжание машинки, превращающее тупую внутреннюю боль во что-то осязаемое. Но на деле чернильные узоры стали моей броней. Способом спрятать другие – желто-синие – «узоры», которые отец оставлял с завидной регулярностью.

– Их у тебя сколько? – спросил Оливер. Он, как и я, пил колу. Понимал, что завтра на тренировке за любой запах перегара Маркус заставит нас выплевывать легкие на газон.

– После двенадцатой перестал считать. – Я пожал плечами, чувствуя, как свежая тату горит под кофтой.

Почти все тело покрывали рисунки: молнии, рвущиеся наружу, цепи, кельтская вязь. Чистой оставалась только спина – девственный холст, скрытый от чужих глаз. На ней почти никогда не бывало отметин.

Парни переключились на привычный треп: тактика, сплетни о девчонках из группы поддержки, прогнозы на турнир. Их голоса сливались в фоновый шум.

– Эй, кому ты там строчишь? – Лини постучал по телефону, в который Ной уткнулся с таким видом, будто там объявляли результаты драфта в PLL¹ и его фамилия висела в первой строчке.

– Мишель, – протянул Ной, ухмыляясь. Он пару раз ткнул в дисплей и развернул его к нам, демонстрируя фото. – Ну? Горяча же, а?

Я нахмурился, вглядываясь в дисплей. На меня смотрела светловолосая девчонка с дерзким вызовом в карих глазах и маленьким серебряным колечком в нижней губе. Очередная «жертва» обаяния девятого номера.

– А что с прошлой-то стало? – подал голос Оливер, когда Ной убрал смартфон. – Той, с которой ты весь прошлый месяц переписывался?

¹ PLL (Premier Lacrosse League) – элитная профессиональная лига лакросса в США; высшая ступень карьеры для любого игрока.

– С Эмбер? – Ной округлил глаза, явно придуриваясь. – Да мы просто пересеклись пару раз, ничего серьезного...

– Да нет же, болван, – фыркнул я, отодвигая пустую кружку. – Он про ту, с которой ты болтал ночами напролет. Кайла, кажется? Ты наконец встретился с ней, и что... слился?

Ной перевернул мобильник экраном вниз, с грохотом откинулся на спинку стула и отхлебнул пиво, делая вид, что вспоминает.

– А, ты про эту. – На лице появилась дежурная, скользкая ухмылка. – Да забей. Не сошлись характерами. Ей сразу чего-то серьезного захотелось, любви до гроба, а ты же знаешь – вся эта романтическая муть не для меня. Я человек свободный. Пока она не начала строить воздушные замки, я тактично ретировался. Чисто по-взрослому.

Оливер фыркнул, неодобрительно качая головой:

– Странно. Помнится, ты сам ныл, что устал от одноразовых тусовок и хочешь чего-то настоящего. Иначе зачем потратил столько времени на одну девчонку? Давал надежду?

Я кивнул, поддерживая друга:

– Оливер прав. Так дела не делаются, Саттерс.

Ной скривился, будто глотнул прокисшего молока. Он со стуком отставил стакан и качнулся вперед, упираясь локтями в колени. В его позе сквозило раздражение – он ненавидел, когда его «золотой» ореол подвергался сомнению.

– Чего накинулись-то? – взбеленился он. – Я передумал, ясно? Имею право. – Он шелкнул языком, резко меняя тему: – Кстати, Маркус ничего не говорил про сетку? Когда уже расписание будет? Хочу знать, кого мы порвем в первую очередь.

Я поводил плечами, чувствуя, как мышцы приятно ноют после тренировки. Свежая татуировка под кофтой саднила, напоминая о себе.

– Пока тишина. Думаю, сейчас идет набор и пробные игры. В школах наверняка очереди из желающих получить халявную стипендию. Сформируют команды – вывешат расписание.

Ной допил пиво залпом и демонстративно шелкнул пальцами, подзывая официантку.

– Да мы их все равно сделаем, при любом раскладе, – заявил он, когда перед ним возник новый бокал. Пена стекала прямо на стол. – Маркус говорил, в некоторых школах команд по лакроссу отродясь не было. Эти ребята клюшку от швабры не отличат. А в финале, бьюсь об заклад, будем грызться с «Волками» или «Орлами». Как обычно.

Ной прав, и от этой мысли внутри разлилось холодное спокойствие. Школ, способных составить нам реальную конкуренцию, в округе, – по пальцам пересчитать. Всего восемь команд. Половина из них – новички, набранные ради экспериментального гранта. Это в разы увеличивало наши шансы. А значит, эти двадцать пять тысяч долларов были уже не просто мечтой. Они были почти у меня в кармане.

– Ты бы так не налегал. – Я кивнул на его кружку. Ной уже осушил половину. – Завтра тренировка в семь утра. И если снова приползешь с головной болью и трясущимися руками, поверь – я не стану тебя щадить. Буду гонять кругами, пока из тебя не выйдет все это дерьмо вместе с завтраком.

Ной фыркнул прямо в кружку и тут же поперхнулся. Пивная пена брызнула из носа, потекла липкими струйками по подбородку. Парни разразились хохотом, а Оливер «добродушно» – так, что едва позвоночник не хрустнул, – похлопал друга по спине.

– О, снова включился режим «грозного капитана», – прохрипел Ной, откашливаясь и вытирая лицо рукавом. Его глаза слезились. – У тебя там в голове переключатель специальный, что ли, Кэм? Щелк – и ты мудака.

Я поджал губы, но уголок рта предательски дрогнул.

– Такой же, как и у тебя, – лениво заметил Лини, отправляя в рот последнюю картофелину. – Только у него – режим капитана, а у тебя – режим клинического идиота. И твой, походу, заклинило в положении «вкл».

Ной демонстративно закатил глаза и с грохотом отодвинул стул. Ножки противно проскрежетали по полу.

– Ладно, клоуны, идем на перекур, а потом валим по домам, – бросил он, выуживая из джинсов смятую двадцатку и швыряя ее на липкую столешницу. – А то я чую, если посидим еще пять минут, наш дорогой кэп завтра на тренировке сожрет нас живьем. Без соли.

– Ты делаешь из меня какого-то тирана, – отозвался я, протискиваясь за ним через сигаретный дым и чужие спины к выходу.

– А ты из меня – дебила, – парировал Ной, плечом выбивая тяжелую дверь на улицу.

– Знаешь, с этой задачей ты и сам прекрасно справляешься, – усмехнулся я, вдыхая холодный ночной воздух.

Глава 3

Векса

Я замерла, едва переступив порог. Воздух в гостиной изменился: лак для пола, жареная курица и что-то терпкое, тяжелое.

Мускусные ноты дорогого одеколона обожгли легкие, и желудок болезненно сжался, превращаясь в камень.

Стоило входной двери с глухим щелчком захлопнуться, как с кухни донесся звонкий, нарочито бодрый мамин голос, перекрывающий звон посуды и детский гомон:

– Векса, это ты? – прокричала она. Я представила, как она, не отрываясь от нарезки салата, слегка поворачивает голову, сохраняя идеальную осанку. – Мой руки и за стол! Мы все только тебя и ждем.

Глубоко вздохнув, я свернула в ванную, спасаясь от неизбежного хотя бы на пару минут. Закатала рукава до локтей, обнажив бледную кожу, и открыла кран, подставив ладони под струю горячей воды.

Пар затуманил зеркало. Я провела по стеклу рукой, стирая пелену, чтобы увидеть лицо. Влажные, припухшие от слез веки. Неестественно пунцовые щеки. Россыпь темных непослушных волос, которые под тусклым светом лампы отливали медью.

«Посмотри на себя, – прошипел внутри противный знакомый голос. – Какая ты жалкая. Одна сплошная ошибка в идеальном уравнении».

Младшие – Анна и Лой – приносили из школы только «А» и похвальные грамоты. Сводный брат Алекс – вообще отдельная лига: гордость семьи, прилежный студент Йеля, будущий гений программирования, надежда и опора отчима. И только я здесь – бестолковая, хромая ворона в стае павлинов. Разочарование, которое терпят лишь потому, что так положено.

Сглотнув горький ком, я набрала в ладони горячую воду и плеснула в лицо. Обжигающие капли стекали по шее за воротник, но даже эта боль казалась слабой.

В запотевшем стекле полыхнули глаза – полные черной, вязкой ярости. Жалость к себе мгновенно переплавилась во что-то острое. Я сжала кулаки так, что ногти до боли впились в ладони, лелея внутри дикое желание: ударить по зеркалу. Разнести его вдребезги. Стереть в кровавую пыль это жалкое зрелище.

Мне отчаянно нужна была боль. Настоящая. Примитивная. Способная заглушить пустоту внутри. Что-то сильнее, чем привычные спазмы в колене.

Взгляд упал на опасную бритву Оуэна, забытую на краю раковины. Капли конденсата поблескивали на лезвии. Рука сама потянулась к металлу. Пальцы очертили холодную сталь. В звенящей пустоте важным оставался лишь один штрих на коже – выход для крика, запертого глубоко внутри.

– Векса, ты долго там? – пропел за дверью тонкий голосок Анны.

Я вздрогнула и резко отбросила бритву. Звук металла о фаянс прозвучал как выстрел. Я чувствовала, как волна гнева отступает, сменяясь ледяной, защитной апатией. Но я знала – это ненадолго. Чаша переполнится, и желание почувствовать хоть что-то, кроме отвращения к себе, вернется.

– Да, уже иду, – выдавила я, щелкая замком.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стояла Анна. Ее глаза-пуговицы сияли нетерпением.

– Мама сказала, что все стынет! – протараторила она. Энергия в сестренке была через край, напоминая розового зайца из рекламы батареек – вечный двигатель, не знающий усталости.

Я молча последовала за ней в столовую.

Вся семья Уильямс была в сборе, как на парадном портрете. Мама сидела по правую руку от Оуэна, вытянувшись в струнку и сияя «фасадной» радостью, которая давно стала ее привычной маской даже в кругу семьи. Слева елозил на стуле Лой, нетерпеливо болтая ногами и разглядывая сквозь толстые линзы запеченную курицу.

Стол поражал парадным размахом: фамильный фарфор, сияющий хрусталь, идеально сложенные салфетки. Подобный пир всегда предвещал что-то важное. Или страшное.

Я уставилась на фигуру, сидевшую ко мне спиной. Широкие плечи в дорогой рубашке, идеально подстриженный затылок. Я не видела лица, но узнала его. Запах мускуса и холодной уверенности заполнял комнату, вытесняя аромат еды.

– Ну чего ты застыла в дверях, как чужая? – Голос мамы прозвучал слишком звонко, с нотками истерического веселья. – Проходи, садись, мы ждем только тебя!

Анна юркнула на место, оставив мне единственный выбор. Последний свободный стул. Рядом с ним.

Ноги стали ватными. Колено предательски ныло, пока я делала эти несколько шагов к эшафоту. Я опустила на стул, стараясь не дышать, чтобы не впускать его запах в легкие.

– Ну вот, теперь все в сборе, – торжественно провозгласила мама, изящно расправляя на коленях кружевную салфетку. Она смотрела на Оуэна с обожанием преданной собаки.

– Анна, Лой, – начал отчим, обращаясь к младшим. Он лишь на секунду задержался на мне, вскользь, словно я пустое место. – И Векса. У нас прекрасные новости. Ваш старший брат Алекс блестяще завершил обучение в Йеле и вернулся домой.

Повисла пауза, в которой я слышала только стук крови в висках.

– Насовсем, – припечатал Оуэн.

Я вздрогнула, резко вскинув голову и уставившись на фигуру напротив. Он медленно повернулся ко мне.

Острые, словно выточенные резцом скулы, прямой нос, неестественно натянутые губы. В этой мимике было нечто волчье. Хищное.

Заметив мое застывшее выражение лица, он улыбнулся еще шире, обнажив идеально ровные зубы. Серые глаза блеснули холодным блеском. Его взор медленно, нарочито неспешно соскользнул с лица вниз, на ключицу, будто он заново присваивал знакомую территорию. Я судорожно сглотнула, чувствуя, как по позвоночнику рассыпается ледяная крошка.

– Вы, наверное, совсем отвыкли от него, – продолжала мама, сияя, как рождественская елка. – С летними стажировками в Нью-Йорке и поездками в Европу на Рождество, он так редко бывал дома в последние годы! Но раньше он много с вами возился! А с Вексой они вообще были неразлучны. Просто не разлей вода!

Сердце в груди заколотилось так, словно пыталось выломать ребра. В ушах поднялся оглушительный гул, в котором тонули все звуки: голос матери, звон приборов, восторженный писк Анны. Сознание помутилось, вытаскивая из самых темных подвалов памяти обрывки, от которых кровь стыла в жилах.

«Алекс, прошу... – слышался мой детский всхлип. – Ты сломаешь мне руку. Перестань...»

Главное чудовище теперь сидело за семейным столом. Оно вернулось в мой дом. Оно снова будет дышать со мной одним воздухом. Спать в соседней комнате. Оно снова притаится у моей двери, выжидая момент, когда я останусь одна.

– Ему предложили прекрасную работу в солидной фирме... – сквозь вату в ушах лепетала мама. – Напомни, Алекс, как точно называется твоя должность?

– Кибербезопасность, – отрезал он, чеканя слоги и не отрывая от меня изучающего взгляда.

Он смаковал каждую мою судорогу, каждый предательский вздох, каждый мускул, одревеневший от ужаса. Я впилась ногтями в ладони до крови, стиснула челюсти так, что зубы заскрипели.

Этот подонок не заслуживал моей слабости. Я больше не та беззащитная девочка, которой можно было зажать рот ладонью и упиваться ее болью.

– Векса, что с тобой? – сквозь бурю ярости прорвался тонкий, испуганный голосок.

Я повернулась на звук. Анна сидела, комкая край платица, и смотрела на меня огромными глазами.

В груди что-то оборвалось. Боже правый! А что, если он... выберет новой мишенью Анну? Или Лоя? Что, если он начнет избивать младших так же методично и безжалостно, как годами ломал меня?

Тело среагировало раньше, чем разум. Я резко вскочила, с грохотом опрокинув стул. Дерево гулко ударилось о пол. Я отпрянула назад, вжимаясь в стену. Голоса вокруг слились в неразборчивый гвалт:

– Милая, ты чего?

– Тебе плохо? Может, воды?

– Векса!

Гостиная поплыла. Краски смешались в грязное пятно. Я слепо развернулась и метнулась к лестнице, впиваясь пальцами в холодные перила. Пульс гремел в висках, смешиваясь с фразой, которая когда-то навсегда сломала меня: *«Все заживет...»*

Но заживет ли? Первый удар, за которым последовали долгие годы молчаливого ада. Унизительных побоев, синяков, которые я прятала под длинными рукавами, и надрывных криков, задушенных подушкой.

Прошло четыре года с тех пор, как он уехал, и узел в груди только начал ослабевать. Понадобилось еще два года, чтобы я смогла начать доверять Тайлеру. Перестать вздрагивать от каждого движения и не сжиматься в комок, когда он поднимал руку, чтобы поправить мне волосы. Но я все равно не открывалась ему до конца. Я была как заминированное поле, которое Тайлер пытался обезвредить тупыми ножницами.

Но сапер далеко. А мина вот-вот должна взорваться.

Вбежав в комнату, я захлопнула дверь, шатаясь, дошла до кровати и рухнула ничком, зарывшись лицом в подушку. Она все еще пахла домом – свежестью и лавандой. Контраст между этим мирным запахом и адом, что ворвался в жизнь, казался невыносим.

Из горла вырвался крик – нечеловеческий, хриплый, раздирающий гортань. Я кричала в подушку, колотила кулаками по матрасу, пытаюсь выбить из реальности этот кошмар.

Перевалившись на спину, я жадно хватала ртом воздух. Грудь раздирало от такой боли, что каждый вдох казался глотком битого стекла. Тело налилось свинцом. Не осталось сил ни на крик, ни на слезы.

В полумраке слышался шорох. Пушистый комок перепрыгнул со стула на кровать. Желтые глаза поймали отблеск прикроватной лампы.

– Ньютон... – прошептала я.

Кот деловито прошелся по одеялу и забрался на грудь. Легкие сдавило тяжестью, но на этот раз – согревающей. Он свернулся калачиком, заурчав.

– Надо же, – хрипло выдохнула я, боясь шевельнуться. – Чем я удостоилась такой чести?

Ньютон не отличался дружелюбием. Эта серая чупакабра, напоминавшая грозовую тучу, признавала только свою хозяйку – Анну. Но сейчас даже он, кажется, почуял запах беды, исходящий от меня.

Раздался тихий, до боли знакомый скрип половиц. Я замерла, глядя, как полоску света под дверью перекрыла тяжелая тень. Снизу донесся спокойный голос матери:

– Алекс, милый, раз уж поднялся, проверь заодно, все ли в порядке с Вексой. Должно быть, у нее снова боли.

Ньютон напрягся и прижал уши.

– Нет... – одними губами выдохнула я, прижимая кота к себе, словно единственный щит.

Дверь бесшумно открылась. Он переступил порог. Ньютон тут же соскочил, больно полоснув меня когтями по животу, и юркнул под кровать. Я осталась одна против тени, вышедшей из коридора.

Мягкий свет лампы выхватил острые линии его лица. Уголок рта едва заметно дернулся.

– Конечно, мама, – бросил он через плечо и закрыл дверь.

Я резко дернулась к прикроватной тумбочке. Лихорадочно шаря в ящике среди тетрадей, пальцы сомкнулись на холодном металле канцелярского ножа. Но стоило замахнуться, как его ладонь стальными тисками впиалась в предплечье.

Боль пронзила руку до самого плеча. Нож с жалким звоном отскочил на пол.

– Отпусти, ублюдок, – прошипела я. – Иначе я закричу.

Алекс лишь ухмыльнулся. Одним рывком он поднял меня с кровати, заставляя встать вплотную.

– Кричи сколько влезет, Векса. – Его голос был как патока, в которой тонешь. – Твоя мама уже рассказала, что ты часто скулишь по ночам из-за колена, и они жутко от этого устали. А если решишь позвать на помощь... – он угрожающе подался вперед, – я заткну тебя раньше, чем ты произнесешь хоть слово. Они услышат лишь сдавленный хрип и решат, что у тебя очередной «приступ».

Этот сукин сын был прав. Он знал все. Знал, что после операции я месяцами просыпалась в холодном поту и мои крики будили дом. Он просчитал все: если ночью я закричу, мама просто вставит беруши и плотнее закроет свою дверь. Она давно решила, что я все придумываю, и лишний раз даже не пошевелится.

И милый, заботливый Алекс тут же примчится на помощь. Только вместо стакана воды и таблеток он принесет старый кошмар. Как в те дни, когда мы оставались в доме одни, он навалится сверху, заламывая руки до хруста, и будет методично душить, пока перед глазами не поплывут темные пятна.

Короткий миг свободы закончился. Его зверства снова станут частью моей жизни.

– Ты не тронешь меня, – прорычала я, пытаюсь вырвать руку. – Я все расскажу. Всем. Маме, Оуэну... Как ты...

Он издал тихий, шипящий звук, напоминавший смех. Внутри все оборвалось. Пальцы, сомкнувшиеся на запястье, жгли кожу, как клеймо.

– О, не смейся меня, – выдохнул он в лицо. Дыхание пахло мятой и чем-то металлически-стерильным. – Ты ведь уже пыталась. И не раз. Отец звонил мне в Йель, делился, как его «несчастливая падчерица» опять сочиняет небылицы, пороча честь старшего брата.

Ублюдок. Подлец. И самое страшное – его уверенность в своих словах. Даже за тысячи миль отсюда он оставался маминым идеальным слушателем, которому она наверняка жаловалась на мои «истерии». Все эти годы я пыталась достучаться до нее, но она лишь отмахивалась: «Ну что ты опять выдумываешь, Векса? Вы с Алексом снова что-то не поделили?» А Оуэн и вовсе глубокомысленно вздыхал: «Это сейчас такая мода у подростков. Жажда внимания, поиск любви через скандалы».

И это ранило больше всего. Не его грязные руки, а то, что его наглая ложь была всем удобнее, чем моя уродливая правда.

– Расслабься, Векса. – Его голос стал притворно-медовым. Таким он говорил в детстве, за секунду до того, как причинить боль. – Я же твой брат. Твой любимый старший брат. Вспомни,

как нам было хорошо. Как я помогал тебе строить домик из одеял... Как мы играли в приставку... Но ты выросла. Тебе же летом исполнилось восемнадцать, верно? Моя маленькая сестренка стала совсем взрослой...

– Я больше не та маленькая девочка, – выплюнула я, задыхаясь от ненависти. – И я прекрасно помню, как ты забивал меня до полусмерти сразу после этих игр!

Алекс никогда не шутил. У него напрочь отсутствовали чувство юмора, эмпатия и способность к состраданию. Под маской идеального, заботливого сына скрывался пустой, расчетливый психопат. И я поняла это слишком рано.

Мне было лет шесть, когда я увидела, как Алекс без единой эмоции на лице запихнул соседского кота в тесную картонную коробку. Я тайком прокралась за ним до заброшенного пустыря на окраине. Спрятавшись за ржавым остовом старой машины, я, не смея даже дышать, смотрела, как он методично орудует лопатой. Алекс закопал коробку в землю. Он не смеялся, не злился – его лицо оставалось безмятежным, словно он просто решал школьную задачу.

Тогда я еще не знала, что животные для него – просто тренировка. Но когда мне исполнилось восемь, пушистые мишени перестали приносить удовлетворение. Ему понадобилась жертва покрупнее. Та, что могла плакать и умолять о пощаде.

Алекс скривился, будто проглотил что-то горькое. Он с притворной нежностью заправил мне прядь за ухо. Прикосновение обожгло. Я дернулась, но его пальцы молниеносно впились в волосы на затылке и сжали их, больно оттягивая голову назад.

– Тебе никто не поверит, поняла? – прошипел он. Маска благодушия сползла, обнажив искаженное яростью лицо. – Никто. Ни твоя мамаша, ни ее муж, ни даже твой жалкий, убогий паренек. Потому что ты больна, Векса. Травмированная девчонка, у которой отняли спорт, и теперь она жаждет внимания любыми, самыми грязными способами.

Я задыхалась. Гнев кипел в венах раскаленным свинцом. По щекам текли предательские слезы.

Я не искала внимания. Наоборот – бежала в спортзал, умоляла тренера ставить дополнительные часы, лишь бы не оставаться с ним наедине, когда родители уезжали по делам. В понедельник, среду и четверг я возвращалась затемно, выжатая как лимон, и знала, что Алекс уже спит, а значит, я обойдусь без новых синяков. Пятница и выходные были почти счастливыми – мерзавец обычно пропадал у друзей.

А потом наступал вторник. Самый длинный и страшный день недели. День, когда дом гарантированно пустовал до самой ночи. День, когда он всегда приходил.

– Не глупи, Ви. – Его голос снова стал ласковым, но в глазах, пустых, как стекло, по-прежнему стоял стальной блеск. – От твоих истерик никому не станет лучше. Будешь вести себя тихо... может, ничего плохого и не случится.

– Пошел ты, – хрипло выдохнула я. – Ты поганый, гнилой кусок...

Договорить я не успела. Щека взорвалась ослепительной белой болью. Комната поплыла, виски сдавило раскаленными тисками. Из горла вырвался протяжный скулеж – звук такой беспомощный, что стало тошно.

Алекс разжал пальцы, и я рухнула на пол, как тряпичная кукла. Я судорожно хватала ртом воздух, но легкие словно склеились.

– Прости, Векса. – Его голос прозвучал так добродушно, будто он случайно наступил мне на ногу. Я прижала ладонь к пылающей щеке, поднимая на него взгляд, полный ненависти. – Но ты сама меня спровоцировала. Как и тогда. В глубине души... – он прижал кулак к груди с видом искреннего страдания, – я знаю, что ты чувствуешь то же самое. Брыкаешься, борешься, но внутри – ты такая же. И жажды боли в тебе не меньше, чем во мне.

К всепоглощающей ярости добавилось что-то еще. Что-то липкое и мерзкое.

«Ты сломана. Так же как и он», – прошипел голос в голове, отравляя разум. Я ненавидела его, но в эту секунду я возненавидела часть себя. Часть, которая искала в боли избавление. Его главный яд подействовал. Заставил поверить, что я становлюсь его отражением.

– Убирайся к черту, – сплюнула я, чувствуя на губе соленый вкус крови.

На четвереньках, сглатывая солоноватый привкус, я поползла к месту, куда отлетел нож. Схватила его. Пластиковая рукоятка стала скользкой от пота.

Алекс лишь усмехнулся. Плавным движением он открыл дверь и бросил, не оборачиваясь:

– Подумай над моими словами, Ви.

Дверь захлопнулась с тихим, сухим щелчком. Нож тут же выскользнул из ослабевших пальцев. Рукоятка со звоном ударилась о пол и треснула, разлетевшись на куски. Короткое лезвие жалко отскочило в сторону.

Задышавшись от унижения, которое жгло сильнее любого удара, я отползла к тумбочке. За дверью слышались голоса.

– Векса заболела? – пролепетала Анна.

– Как она? – В голосе мамы звучала забота, которой я так жаждала и которую он сейчас уничтожал одной фразой.

– Колено ноет, – отозвался Алекс. Его спокойный, размеренный тон заставил внутренности сжаться. – Я дал ей тайленол. Пусть поспит.

Я застыла, слушая, как внизу кипит жизнь: скрежет стульев, звон посуды, чей-то смех. Там продолжалась семейная идиллия, в которой мне больше не осталось места. Собственное тело и эта комната превратились в клетку, оставив меня один на один с вернувшимся кошмаром.

Рука потянулась к телефону. Экран плыл перед глазами. Я открыла диалог с Тайлером. Короткое сообщение. В нем застыли крик, ярость и последняя надежда.

Я буду участвовать в турнире.

Мысль о стипендии отошла на второй план. Турнир обернулся моим единственным билетом на волю из этого кошмара. И я получу его, даже если колено разлетится на куски прямо на газоне.

Кэмерон

Бросив ключи на тумбу, я выдернул наушники. Провода беспомощно повисли на груди. На мгновение я замер в тишине, пытаюсь расслышать сквозь басовый гул, звенящий в ушах, звуки дома.

Взгляд скользил по ступеням, цепляясь за фотографии в пыльных рамках. На одной мать робко улыбалась, прижимая к себе охапку шаров. Рядом, по-хозяйски обнимая ее за плечи, возвышался отец. Тогда его лицо еще умело изображать радушие. А в центре – я, сжимающий коробку с вертолетом.

Мой восьмой день рождения, проведенный на карьере за городом. Время, когда в доме пахло едой, а не перегаром и чужими духами. Время, когда мы еще притворялись семьей.

Я стал подниматься на второй этаж, стараясь ступать бесшумно. Пульс молотил в висках, пальцы вцепились в лямку рюкзака. На последней ступеньке я замер. Из-под двери отцовской спальни сочились звуки. Плавные, тягучие ритмы джаза. Та самая пластинка, которую он включал каждый раз, когда приводил очередную девку. Мелодия, от которой буквально выворачивало наизнанку.

Ярость поднялась по горлу раскаленной лавой. Рюкзак соскользнул с плеча и с глухим стуком шмякнулся на паркет.

Сукин сын. Опять.

Я рванул с места и в два прыжка преодолел коридор. Распахнул дверь так, что она ударилась о стопор.

Сквозь алую пелену я увидел движение на кровати: широкие плечи отца и извивающуюся под ним бледную спину. Раздался испуганный вскрик, шорох простыней. Фигуры метнулись в стороны. Отец сорвался с постели, на ходу натягивая штаны, и уже через секунду ринулся на меня, выталкивая в коридор.

От толчка я лишь немного отшатнулся.

Слабовато, папочка.

– Какого черта ты творишь?! – прорычал он. Лицо перекошено, в глазах – бешеная злоба. Дверь за его спиной захлопнулась, скрывая потаскуху. – Сколько раз повторять: не смей вламываться без стука!

– А сколько раз тебе повторять, – выдавил я сквозь стиснутые зубы, – не смей таскать баб сюда, пока мама в командировке!

Его ладонь сомкнулась на моем затылке. Пальцы впились в шею мертвой хваткой, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

– Думаешь, твоя святоша-мамаша хранит верность, разъезжая по конференциям в коротких юбчонках? – выплюнул он. Запах виски ударил в нос. Ногти впились в кожу, почти разрывая ее.

– Хранит, – выдохнул я, едва шевеля губами. – В отличие от мужа, который перетрахал половину персонала своих ресторанов.

– Да как ты смеешь, щенок!

Рык оглушил меня, а кулак безжалостно врезался в ребра. Вспышка ослепительной боли пронзила тело. Я согнулся пополам, зубы сцепились до хруста, но не издал ни звука. Я не доставляю ему такого удовольствия.

– Забыл свое место? – Он угрожающе навис надо мной. – Забыл, кто оплачивает твою академию? Твою тачку? Твои сраные клюшки? Хочешь в один миг оказаться на улице, как паршивый пес?

Я выпрямился, игнорируя вспышки боли в боку, и повторил его жест – рука молниеносно вцепилась ему в шею, сжимая с такой силой, что лицо отца начало багроветь. Каждая клетка моего тела требовала мести.

– Мне не нужны твои деньги, – прошипел я. Пульс под пальцами колотился как бешеный. – Мне нужно, чтобы ты свалил к черту и оставил нас в покое.

Ублюдок лишь усмехнулся. Его лицо, полное презрения, было привычнее отражения в зеркале. Пять лет назад, когда я впервые застал его с той рыжей управляющей, он использовал тот же прием – финансовый шантаж. Обещал стереть нас в порошок, если я не засуну язык поглубже. Каждый раз я пытался сопротивляться. И каждый раз проигрывал.

– Поучи меня еще, сопляк, – выплюнул он. – Пока вы оба живете под моей крышей, правила здесь диктую я.

Его рука на моем горле задрожала. Лицо, искаженное злобой, расплылось в багровом тумане. В этот миг последние остатки контроля рухнули. Внутренний зверь, которого я годами держал на цепи, сорвался с оглушительным ревом. Он требовал крови. Требовал хруста костей.

И я нанес удар.

Врезал по челюсти. Голова отца резко запрокинулась. Из носа по губе потекла алая струйка. Он прижал пальцы к лицу, а затем медленно отвел их, разглядывая кровь. На его губах расплылась звериная, жуткая улыбка.

– Мелкий гаденыш...

И тут же вмазал по ребрам. Что-то противно хрустнуло. Воздух вырвался из легких со свистом. В глазах помутнело. Я ринулся вперед, слепой от ярости, нанося беспорядочные удары, которые он с легкостью парировал, возвращая каждый в трехкратном размере.

Сознание начало уплывать, когда я почувствовал под щекой холодный, липкий паркет. В горле встал горький металлический ком. Я проморгался, отплеывая кровь, и увидел возвышающуюся надо мной фигуру.

В глазах заребило. Разум подкинул удушающую картинку из прошлого. На миг передо мной оказался не тиран, не деспот, не изменник. Передо мной стоял папа. С растрепанными волосами и щекой, запачканной грязью. Папа, протягивающий руку в белой перчатке со словами: *«И снова слэш²... Ты же знаешь, Кэм: чтобы победить, не обязательно играть грязно»*.

– Не лезь больше в мои дела, щенок, – прошипел он, и иллюзия заботливого отца окончательно развеялась. – Иначе в следующий раз я аннулирую твои счета, заберу ключи и отправлю в ту самую военную академию. Ты ведь хочешь стать мужчиной? Вот там из тебя быстро выбьют эту спесь.

Шаркая подошвами по полу, он ушел в глубь коридора. Дверь в спальню захлопнулась с таким грохотом, что задрожали стены. Я закашлялся, давясь желчью, и жадно хватая ртом воздух. Прижимая руку к ноющим ребрам, я с трудом поднялся на ноги.

Гребаный урод. Он знал, на что давить. Деньги были единственным способом держать меня на привязи. Мама зависела от него финансово, а я – юридически. Если я не выиграю этот турнир и не получу стипендию, он заставит меня гнить в казарме или в бизнес-школе, превращая в подобие самого себя.

Шумно дыша, я пошатнулся в темноте коридора и на ощупь нашел дверь. Ввалившись в комнату, прислонился спиной к стене, слушая, как сердце колотится в груди, смешиваясь с гулом в ушах.

И ту самую мелодию. Она снова заиграла за стеной – тихая, навязчивая, вызывающая тошноту. Сквозь туман в сознании пробивались обрывки фраз:

– Все... все в порядке? – донесся испуганный женский голос.

² Слэш (от *англ. slash*) – грубое нарушение правил, рубящий удар соперника клюшкой.

– Да, котенок, абсолютно, – низким рокотом отозвался отец. – Не обращай внимания. Лучше иди ко мне.

К горлу подкатил ком, перемешанный с кровью. Я оттолкнулся от двери и на нетвердых ногах подошел к стереосистеме. В полутьме нащупал ручку и крутанул ее. Из колонок рванул шквал агрессивных басов «Duality» Slipknot. Грохочущие риффы и хриплый вокал заглушили приторную мелодию и фальшивые голоса за стеной.

Я рухнул на кровать. Рука нащупала шершавый мяч для лакросса. Я швырнул его в потолок. Стук – и он вернулся в руки. Еще раз. И еще. Пока ярость не начала сменяться леденящим отчаянием, а басы не перекрыли все внутри.

У этого ублюдка слишком много силы. Слишком много власти, денег и влияния, чтобы я мог с ним справиться прямо сейчас. Он держал за горло не только руками, но и счетами в банке, грозясь в любой момент перекрыть кислород и отправить в военную академию. И если мама готова мириться с тем дерьмом, что он устраивает дома, закрывая глаза на его «ночные собеседования», то я – нет.

Если я не могу победить его здесь и сейчас – я должен уйти. Всего-то и нужно – выиграть сезон и забрать стипендию. Пару десятков тысяч на счету, которые он не сможет заблокировать – и я окончательно вырвусь. Я доучусь последний год и избавлюсь от «цербера» навсегда.

Поймав мяч на лету, я почувствовал вибрацию в кармане. Не глядя, вынул телефон и прищурился от яркого света.

Ной:

Прикинь, чел, она мне снова написала.

Под текстом было приклеено фото. Девчонка с темными короткими волосами и лицом-сердечком.

Какая из?

Ответ пришел почти мгновенно.

Ной:

Кайла. Которую я вроде как отшил.

Я усмехнулся, поджав губы. Буря внутри понемногу стихала, уступая место привычному цинизму. Басы и переключение внимания сработали как стоппер.

Ты же вроде твердил, что ничего серьезного не хочешь.

Ной:

Не хотел. Но ее-то я хочу. Я позвал ее на вечернюю тренировку. Может, когда она увидит меня в деле, вся эта попса насчет отношений у нее в голове сменится на более... приземленные желания.

Я покачал головой, выстукивая ответ:

Ты неправим.

В ответ прилетел стикер с ухмыляющейся рожей. Я отшвырнул телефон на тумбочку и прикрыл глаза. Теперь, когда внутренний ураган утих, я мог мыслить четко и холодно.

Мне нужно во что бы то ни стало, выиграть этот турнир. Это мой единственный билет на волю, который отец не сможет отобрать. Стипендия, деньги, свобода. Все это теперь висело на сетке клюшки.

Глава 4

Векса

– Ты уверена, что это хорошая идея? – Кайла не умолкала всю дорогу до спортзала.

Мы прошли под низкими сводами узкого коридора и свернули направо – в женскую раздевалку. В нос тут же ударила смесь пота, дешевых духов и аэрозоля.

– Абсолютно, – отмахнулась я, бросая рюкзак на липкий пол и открывая свободный шкафчик с визгом ржавой петли. – Я записалась еще утром.

Кайла нервно теребила розовые бусины браслета, наблюдая, как я вытаскиваю лонгслив и плотные легинсы. В горле стоял ком – перед выходом из дома я выпила двойную дозу обезболивающего. Щека до сих пор горела, и мне стоило больших трудов замаскировать след от пальцев Алекса плотным слоем консилера.

Я встала вполоборота, скрывая лицо, и резко дернула за молнию на боку платья.

– А как же травма? – Ее голос дрогнул. – Если колено снова подведет на поле? Ви, это не гимнастический ковер, здесь тебя просто снесут.

Стянув платье через голову, я быстро натянула лонгслив. Уселась на холодную скамью и вынула из рюкзака наколенник с ребрами жесткости. Спешно затянула ремни, фиксируя сустав так туго, чтобы он едва мог сгибаться. В лакроссе мне не нужны акробатические прыжки – мне нужна была устойчивость.

– Тише ты, – выдохнула я, бросая взгляд на дверь. – Ни слова об этом. Тренер Морган ничего не знает. Если выяснится, что мне проводили операцию на связках, меня даже до пробных не допустят. Школа и так рискует, смешивая команды ради этого чертового гранта, им лишние проблемы не нужны.

В этот момент в раздевалку впахнули две девочки. Увидев нас, они мгновенно перешли на шепот. Кайла придвинулась ко мне вплотную.

– На твоём месте я бы переживала не за допуск, а за то, сможешь ли ты вообще ходить после этой авантюры.

Я поджала губы, закончив со шнурками, и направилась к корзине в углу, где лежали школьные клюшки, и взяла одну из них.

– Я все еще считаю, что это безумие, – прошептала Кайла.

Раздался звонкий смех, а затем – громкий хлопок дверцы шкафчика. Рядом с нами стояла высокая светловолосая девушка. Она уверенно натягивала тренировочную майку, под которой перекатывались мышцы плеч.

– Новенькие? – спросила она, вытирая ладони о ткань и протягивая руку. Хватка у нее была железная. – Мила Стил.

– Векса Уильямс, – отозвалась я.

– Кайла, – неловко пролепетала подруга.

Мила обвела нас оценивающим взглядом, который задержался на клюшке в моей руке.

– Твоя? – уточнила она, подняв бровь.

Я покрутила клюшку в руке, ощущая ее вес, а затем поспешно швырнула обратно.

– О нет, – затараторила я, и по спине побежали мурашки. – Я никогда не играла. У нас в школе раньше не было команд по лакроссу.

Мила ухмыльнулась, шагнув ко мне. Не отрывая пронзительного взгляда, она ловко завела руку мне за спину и с глухим стуком выдернула из корзины другую клюшку – с оранжевой лентой на рукояти. Покрутив ее в руках с явным мастерством, она провела пальцами по обмотке.

– Значит, хотите ворваться в команду с нуля? – Голос звучал насмешливо. – Это на вас так подействовал призовой фонд? Школе позарез нужен грант, поэтому и набирают всех подряд, даже «самоубийц» без опыта.

Кайла, покраснев, поспешила вставить слово:

– Я-то как раз не собираюсь играть. – Она нервно заправила за ухо выбившуюся прядь. – А вот Ви... она раньше профессионально занималась гимнастикой. Решила попробовать силы в чем-то новом.

Я метнула на Кайлу убийственный взгляд. Опять. Опять она выболтала все что можно. Хорошо хоть про разрыв связей и операцию промолчала. Школе нужны здоровые игроки, а не судебные иски.

Я незаметно коснулась бедра, проверяя наколенник. Обезболивающее уже начало действовать, превращая ноющую боль в глухое, ватное давление.

– А почему бросила гимнастику? – Мила вопросительно склонила голову, не прекращая разматывать оранжевую ленту. В раздевалке повисла тягучая тишина.

– Просто... переросла, – соврала я, ощущая, как горит лицо. – Захотелось командной игры. А ты давно играешь? Я тебя раньше не видела.

Мила усмехнулась, отправив ленту точным броском в мусорку. Она отошла к шкафчикам и достала свежий синий моток тейпа.

– Недавно перевелась, – ответила она, аккуратно накладывая обмотку на рукоять. – В моей прошлой школе была сильная женская команда. «Волки», слышали о таких?

Мы с Кайлой переглянулись. В наших лицах читалось полное неведение: мы едва представляли себе правила игры, что уж говорить о рейтингах команд-соперников.

Тишину раздевалки разрезал резкий, властный голос:

– Вы почему еще здесь прохлаждаетесь?

В дверном проеме нависла крупная фигура тренера Морган. От ее тяжелого, недовольного взгляда мы мгновенно выпрямились, боясь лишний раз вздохнуть.

– Тренировка начинается через пять минут! Вы уже должны быть на поле и разогреваться. Живо, шевелитесь!

Она подошла к стеллажам, где рядами стояли отполированные шлемы, и сняла два из них. Прежде чем я успела сообразить, один оказался в моих руках, а второй – у Кайлы. Подруга тут же попыталась возразить:

– Нет, я вообще-то не планировала...

– У вас минута на экипировку, – жестко оборвала ее Морган. – И не забудьте поставить подписи в листах согласия на столе у выхода. Без этой бумажки на поле не выпущу – школе не нужны лишние проблемы. После – все на разминку. Отработаем броски, а к концу занятия я решу, кто из вас достоин основного состава на турнире.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и стремительно вышла. Я покрутила шлем в руках, ощущая его неожиданную тяжесть, и перевела взгляд на Милу.

– Не тормози, Уильямс, – усмехнулась та, протягивая клюшку с уже готовой синей обмоткой. Я зажала шлем под мышкой и приняла клюшку. – Ты слышала тренера. Что-то мне подсказывает, Морган не из тех, кто любит ждать.

Мила сунула мне перчатки, с грохотом захлопнула шкафчик, и мы единым строем двинулись к выходу.

В лицо ударил горячий воздух, запахло пылью и свежескошенной травой. Едва мы вышли из каменной арки тоннеля, я замерла. На поле уже кипела жизнь: десятки учеников бегали трусой, делали выпады и растягивались.

Знакомая дрожь кольнула под коленной чашечкой. Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять подкатывающую к горлу тревогу. *«Это просто тренировка, – твердила я про себя. – Обычный пробный заход».*

Мы с Милой направились к группе, а Кайла с явным облегчением потянулась к пустым трибунам. Заметив нас, тренер Морган пронзительно свистнула, собирая всех в круг.

– Начинаем с разминки – десять кругов по периметру! – Ее голос разрезал воздух. – Затем работа с клюшкой: делитесь на пары, одни бросают, другие ловят. К концу занятия я пойму, кто на что годен, и мы проведем двусторонку, чтобы определиться с составом. Вопросы?

– Да, – лениво протянул Райан, парень из моего класса с выбритыми висками. Он демонстративно размял шею, глядя на тренера свысока. – Какой идиот придумал сделать команды смешанными и при этом запретить контакт? Это издевательство, а не лакросс³.

– Тот самый идиот, который выписал школе чек на пятьдесят тысяч долларов, Райан, – отрезала Морган, скрестив руки на груди. – Условие спонсоров – никакой агрессии и совместная игра, иначе страховку аннулируют в ту же секунду. Хочешь махать кулаками – иди в бокс. А здесь ты будешь играть по правилам академии «Стилстоун», если хочешь дожить до выпуска.

Морган резко вскинула руку, и в следующее мгновение воздух прорезал оглушительный свист. Ноги сами рванули вперед, подхваченные общим потоком.

Месяцы без серьезных нагрузок и едва зажившее колено мгновенно дали о себе знать. Легкие обожгло огнем, в висках застучал пульс, а перед глазами поплыли темные пятна. На резких поворотах колено опасно пошатывало, но не взрывалось острой, выкручивающей болью. Я ухватилась за это ощущение, как за спасительную соломинку. Значит, наколенник держит. Значит, у меня есть шанс.

Разминка закончилась, оставив ноги ватными, а дыхание – сбитым. Мышцы пылали, но боль растекалась по телу приятной истомой, возвращая меня к жизни. Словно на место встал последний, самый важный кусочек пазла.

– Шлемы! Перчатки! Клюшки в руки! – скомандовала Морган.

Мы выстроились в неровную шеренгу. Перед нами, у самой линии броска, с вызывающей ухмылкой встал Райан. Тренер приказала ему принимать мячи. Мила пристроилась в самом хвосте очереди, прямо за мной. Я стянула душный шлем, жадно глотая воздух. Тело гудело, каждый мускул протестовал против темпа, заданного Морган.

– Волнуешься? – спросила Мила. Светлые волосы у ее висков намокли от пота.

– Ужасно, – честно призналась я.

За меткость я не переживала: глазомер годами оттачивал опорные прыжки. Бесконечные часы в зале научили, что руки должны касаться снаряда с точностью до миллиметра. Ошибка в дюйм – и ты летишь кувырком.

– Не парься, – бросила Мила, поправляя край синего тейпа на клюшке. – Отработка бросков – самая легкая часть. Просто сделай так, чтобы Райан не поймал мяч, но при этом не зашвырни его в соседний штат.

На словах все звучало элементарно. Оставалось надеяться, что на деле получится так же.

Следя за уверенными движениями Милы, я осторожно спросила:

– А почему ленты на клюшках у всех разные? Разве по правилам мы не должны выглядеть одинаково?

Мила усмехнулась и подняла рукоять выше. Пальцы в перчатках постукали по синей обмотке.

– Обычно у всех свои клюшки. Они разные по весу и балансу, и, чтобы не путаться в куче, игроки выбирают свой цвет. Ну, и для таких суеверных психов, как я, – она подмигнула, – тейп – это талисман. Выйти на поле без него – все равно что заранее проиграть.

³ Традиционный лакросс славится жесткими силовыми приемами, напоминающими хоккейные. Запрет на физический контакт полностью лишает игру привычной агрессии и динамики.

Я покрутила в руках клюшку. Шероховатая синяя лента плотно прилипала к ладони, напоминая привычную сухость магнезии⁴ на гимнастическом ковре. Это успокаивало.

Вздыхнув, я шагнула вперед. Очередь стремительно таяла. Перед нами остался всего один парень, чьего имени я не знала.

– Значит, я могу выбрать любой цвет? – уточнила я. Мила расплылась в улыбке.

– Абсолютно. Хочешь, поменяем? У меня в сумке есть запасной зеленый.

Я покачала головой, сжав рукоять чуть сильнее:

– Пока нет. Синий... меня вполне устраивает.

Парень перед нами шумно выдохнул. Его бросок оказался неудачным – мяч пролетел далеко от цели. Потупив взгляд, он молча поплелся в конец строя. Реальность обрушилась пугающим осознанием: моя очередь.

– Давай, Уильямс! – крикнул через поле Райан, перехватывая клюшку поудобнее и принимая вызывающую позу. – Постарайся не промахнуться мимо поля!

Я сглотнула колкость и натянула шлем. Предательская дрожь снова кольнула под чашечкой, и я уперлась кроссовками в дерн. Тренер Морган с безразличным видом бросила мне мяч. Я качнулась вперед, перенося центр тяжести, как когда-то на бревне, и сетка клюшки ловко подхватила упругий резиновый шар.

– Он не берет верхние углы. – Тихий, уверенный шепот Милы донесся сзади, будто она читала мои мысли. – Прицелишься на уровне головы, ближе к плечу – он физически не успеет поймать. Он всегда ждет низких мячей.

Покрепче сжав рукоять, я глубоко вздохнула. Тесный защитный жилет сдавливал грудь, а адреналин заставлял сердце колотиться о ребра.

– Хорош трепаться, бросай уже! – подстегивал Райан, картинно разводя руки в стороны.

Как бы мне ни хотелось запустить снаряд прямым в его самодовольную физиономию, я понимала: мяч просто отскочит от шлема. Мне же нужно было другое – доказать, что я здесь не для массовки.

Я прищурилась, увидев шанс: узкий просвет между его правым плечом и краем шлема. Затем резко, всем корпусом, рванула клюшку вперед. Мяч выпрыгнул из сетки и со свистом понесся в цель. Райан рефлекторно дернулся, его клюшка метнулась наперерез, но рама лишь на долю секунды зацепила снаряд у виска. Белый шар щелкнул о пластик, круто изменил траекторию и понесся обратно – прямо мне в лицо.

Инстинкты сработали быстрее, чем я успела поддаться панике. Я нырнула, выставив сетку как щит. Сквозь металлическую решетку шлема я успела заметить лишь белое пятно, несущееся с пугающей скоростью, а затем раздался глухой, упругий стук.

Я зажмурилась на мгновение, а когда открыла глаза, почувствовала, что клюшка в руках заметно потяжелела. В глубине серой сетки, мерно покачиваясь, уютно устроился белый мяч.

– Очень хорошо! – Голос тренера прозвучал неожиданно громко. Морган довольно кивнула, а затем обернулась к Райану: – С ловлей у тебя пока беда, но подача и реакция у новенькой – очень даже неплохо!

Пальцы предательски дрожали, когда я опустила клюшку, и мяч с тихим стуком выкатился на траву. Адреналин гулко стучал в висках. Я поспешила отойти в конец строя, молясь, чтобы никто не заметил, как ходит ходуном грудная клетка под жилетом.

Колено выдержало резкий выпад, но под действием таблеток я не понимала, стало ли хуже. Но главное сделано: Морган увидела потенциал.

Тренировка набирала обороты: мы вели мячи, передавали пасы и пытались выбивать их друг у друга. С каждым часом ногу все больше сводило, сустав подкашивало на резких

⁴ Спортивная магнезия – порошок, применяемый в спорте для подсушивания рук и надежного хвата. Увеличивает сцепление между ладонями и спортивным снарядом.

маневрах, и я, как могла, старалась это скрыть. Уверенно распрямляла плечи каждый раз, когда ловила на себе хмурый взгляд тренера.

Наколенник отчетливо проступал под легинсами. Но Морган не проронила ни слова. В школе никто не знал о травме: я получила ее в начале лета и к сентябрю, пусть и с трудом, уже могла ходить.

Когда мы оказались на грани изнеможения, тренер созвала всех для инструктажа перед учебной игрой.

– Помните главное правило: никаких телесных контактов! – Ее голос гремел над полем. – Особенно это касается парней. Чеки телом строго запрещены. По правилам турнира вы можете воздействовать клюшкой только на клюшку соперника. Любое касание к телу – и вы на скамейке. Понятно?

Райан громко фыркнул, скрестив руки:

– Из-за девчонок теперь и играть нормально нельзя. Весь драйв насмарку.

– Будто мы в этом виноваты! – тут же взвилась Мила. – Не будь этих правил, я бы отдубасила тебя твоей же клюшкой еще в первой четверти.

– Ой, какая злая кошечка. – Райан скривился в умильной гримасе. – Коготками перчатки не порвешь?

– Пошел ты! – рявкнула Мила.

Но Райана это лишь раззадорило. Склонив голову набок, он лениво протянул:

– Хочешь, помогу обналичить твою v-карту? Может, хоть так перестанешь на всех бросаться...

– Только попробуй! – прошипела Мила, подходя к нему почти вплоты.

Атмосфера на поле накалилась. Игроки обступили их плотным кольцом, молча наблюдая за перепалкой.

– Подойди ко мне, и я отрежу твое достоинство и засуну его тебе в...

Оглушительный свисток пререзал воздух, заставив всех вздрогнуть. Лицо тренера Морган налилось кровью.

– Хватит! – Ее крик заставил сжаться даже Райана. – По командам! Синие и красные! Живо!

Мне повезло: я попала к Миле в «синие». Райан, к моему огромному облегчению, оказался у противников – в «красных».

– Ну, давайте! – проревела Морган, когда мы заняли позиции. – Покажите на практике, чему научились!

Раздался резкий свист. Началась не просто игра, а яростная битва – борьба, к которой старшеклассники Сильверпайна оказались совершенно не готовы.

Кэмерон

Ной резко рванул в сторону, пытаясь на полной скорости обойти меня с левого фланга и сделать передачу Лини. Пришлось действовать молниеносно: выпад корпусом, короткий взмах и точный, хлесткий удар рукоятью по его палке.

Дерево звонко щелкнуло о дерево. Мяч выпрыгнул из сетки Ноя. Я уже заносил клюшку, чтобы подхватить его, но не успел – Саттерс потерял равновесие. Он со всей дури впечатался в плечо щитком.

В глазах на мгновение потемнело. Треснувшие вчера ребра отозвались такой острой вспышкой, что из легких вышибло весь воздух.

Мяч беспомощно крутанулся и с глухим стуком шлепнулся на траву. Следом за ним, спотыкаясь и ругаясь, рухнул Ной.

– О-о-о, – протянул Лини, глядя на распластавшегося на траве Ноя, – кто-то сегодня явно не в форме.

– Да твоя мамочка!.. – проскулил Ной, усаживаясь и потирая ушибленное плечо. Он мазнул по мне полным ненависти взглядом. – Какого черта, Кэм?! Тебе что, запрет на телесные контакты вообще ни о чем не говорит?

– Это правило – для смешанных команд, – парировал я, стараясь дышать медленно, чтобы не выдать боли. Я забросил клюшку на плечо и протянул ему свободную руку. – А я что-то не припоминаю, чтобы у нас в составе появились девчонки. Или ты что-то скрываешь, Саттерс?

– Ты его тейп вообще видел? – Лини ехидно усмехнулся, подходя ближе. – По-моему, все очевидно.

Ной скривился, но ухватился за ладонь и позволил себя поднять. Оказавшись на ногах, он поводил плечом, проверяя сустав.

– И главное, – не унимался я, – какого черта ты сам полез под удар? Зачем шел на таран? У тебя что, инстинкт самосохранения в отпуске?

Ной демонстративно надул губы, стягивая шлем. Его лицо было багровым от ярости.

– Хотел тебя проверить, – отрезал он с вызовом. – Не думал, что ты реально в меня влепишь.

Лини хлопнул Ноя по здоровому плечу.

– Гонит он, Кэм. Я все видел. Этот придурок просто в ногах запутался, споткнулся и повалился вперед, а на тебя теперь сваливает вину за кривое ведение.

Ной состроил обиженную гримасу и уставился на Лини.

– Ну естественно, наблюдательный ты сукин сын. Мы четвертый час носимся по этому полю. А капитан, – он повернулся ко мне, – похоже, решил выбить всю дурь из команды еще до первой игры. Может, на сегодня хватит? А то я чувствую, еще немного – и кто-то точно уедет отсюда на «скорой».

Его светлые мокрые кудри прилипли ко лбу. Он раздраженно смахнул их с лица.

– Еще нет, – отрезал я, покачав головой. – Пока ты не выдашь мне ту самую передачу в движении, я буду гонять тебя хоть до рассвета. Понял?

– Это уже ненормально, Кэм! Нам нужен отдых! Мы уже...

Он резко осекся. Подбородок непроизвольно поднялся, и он уставился на что-то позади меня. Я развернулся, заметив две фигуры, которые протискивались между рядами пустых трибун.

– Мне пора, – выдохнул Ной, швырнул шлем на траву и ринулся в сторону трибун.

Я приложил ребро ладони ко лбу, щурясь от слепящего солнца. Кто заставил Ноя бросить все посреди тренировки? Две девчонки. В одной я смутно узнал Кайлу, которую он еще пару дней назад божился оставить в прошлом.

– Он что, снова с ней? – недоуменно спросил Оливер, подходя ближе.

– Выходит, что так.

Я наблюдал, как Кайла поднимается со скамьи и, встав на цыпочки, обвивает шею Ноя.

– Он болтал вчера, что она придет посмотреть на тренировку.

– Ну, походу, на сегодня игра закончена, – мрачно констатировал Лили, плюхнувшись на траву. – Ной сейчас свалит при первой же возможности. Опять будем ждать, пока этот жеребец с очередной пассией освободит раздевалку.

Верхняя губа непроизвольно дрогнула. Швырнув клюшку на землю, я направился к трибунам. Резкое движение отозвалось тупой вспышкой в ребрах.

– Хрена с два он сегодня просто так покинет поле.

Завтра должны были объявить расписание матчей. Времени на подготовку оставалось в обрез, а этот придурок не только косячил на простейших передачах, но и собирался слить тренировку ради очередной юбки.

Взбежав по бетонным ступеням, я остановился в паре шагов от сцепившейся парочки. Взгляд на мгновение задержался на второй девчонке. Она сидела на скамье, судорожно комкая подол платья. Ткань трещала под пальцами, а носок ботинка отбивал дробь по спинке впереди стоящего сиденья.

Стоило мне на нее посмотреть, как она резко подняла голову. Наши глаза встретились. Девчонка приподняла бровь и слегка скривила губы, словно спрашивая, чего мне надо. Я тут же отвернулся.

– Живо на поле, Ной! – рявкнул я. – Я не стану страховать тебя в игре, если ты продолжишь валять дурака. Нам нужно прогнать схемы до автоматизма, чтобы на матче не было лажи.

Мой тон заставил Кайлу отпрянуть. Она смущенно потупила взор, терзая ремешок розовой сумки. Ной же лишь окрысился.

– О, опять включил режим «капитана»? – Он язвительно вздернул бровь.

– А у тебя, смотрю, все тот же режим «клинического дебила»? – отрезал я без тени улыбки.

Ной раздул щеки и театрально обвел руками трибуны, будто девушки были его главным козырем.

– Да брось, Кэм! Сыграемся. Тем более, – он кивнул на поле, где Оливер и Линкольн лениво перепасовывались, – вы отлично справитесь без меня. Поставь Оли в нападение, и дело с концом.

– Оливер – вратарь, – отчеканил я, чувствуя, как пульсирует жилка на виске. – Его место в «раме», а не в атаке.

– Ну, а у меня амнезия! – рассердился он, уперев руки в бока.

– Амнистия, идиот. – Я устало потер переносицу. – Ты, если где-то слышишь умное слово, хоть погугли его, прежде чем позориться.

Ной скривился, его взгляд нервно заметался по трибунам и замер на девчонках. Кайла, считав этот немой призыв, поспешила влезть:

– Да-да! Мы бы очень хотели посмотреть вашу игру! – Ее голос зазвенел неестественно высоко, отдаваясь в ушах. Она ткнула пальцем в сторону подруги: – Тем более Векса теперь тоже в команде по лакроссу. Ей будет полезно взглянуть на настоящую мужскую игру.

Я невольно переключился на Вексу. Она посмотрела на Кайлу яростно, будто мечтала затолкнуть ей в глотку не мяч, а целую клюшку. Стук ее ботинка по пластику стал агрессивным, а нога мелко и неестественно дрожала. Она на секунду закрыла лицо ладонью, а когда убрала руку – снова уставилась на меня, не мигая.

– Да. – Тихий голос девчонки звучал куда увереннее, чем испуганный лепет ее подруги. – Мы хотели бы посмотреть. Чтобы понять... к чему готовиться на турнире.

– Вы тоже участвуете? – спросил я, нахмурившись. Значит, первая смешанная команда. – Какая школа?

– Старшая школа Сильверпайна, – отрезала она.

Я мысленно перебрал список. Обычная государственная школа... захолустье. У «Рэйвенкрофта» никогда не было с ними совместных матчей – слишком разный уровень.

– А как называется ваша команда? – влез Ной, которого вообще не заботили приличия.

Векса уставилась на ногу, которая продолжала выбивать дробь по спинке сиденья. Девчонка явно нервничала, а этот обалдуй спросил в лоб, прекрасно зная, что нам придется играть против них.

Она медленно подняла голову. В ее глазах отразились плывущие по небу облака. Ладонь впилась в бедро еще сильнее, отчего рукав школьного платья задрался почти до локтя. Я прищурился, заметив на ее предплечье узнаваемые отметины – темно-лиловые синяки, уже начавшие желтеть по краям. Я знал эту палитру: сначала синева, потом фиолетовый, потом грязная желтизна.

Заметив мое внимание, Векса резко одернула рукав.

– Никак. В нашей школе раньше не было лакросса, поэтому и названия нет. Тренер сказала, узнаем завтра, когда вывешат расписание.

Я коротко хмыкнул. Не просто смешанная команда. Новички из государственной школы, которые, возможно, и клюшку-то в руках держат вторую неделю. Таких выбить с турнира будет проще простого. Легкая разминка для «Акул» перед серьезными противниками.

– Значит, до встречи на поле, – самодовольно провозгласил Ной, по-хозяйски притягивая Кайлу к себе. – Будешь болеть за меня, детка?

– Д-да, – пискнула она, заливаясь румянцем.

Но я даже не смотрел на них. Поймал себя на том, что продолжаю бесцеремонно пялиться на эту странную девчонку. Помотав головой, я прогнал мысли о турнире и грубо хлопнул Ноя по плечу.

– Поболтаете после душа, – процедил я. – А сейчас – живо на отработку передач.

Ной обиженно вздохнул, но не сопротивлялся, когда я почти силком потащил его прочь от трибун. То, что в турнире заявлены новички, не значило, что нам можно расслабляться. В финале нас в любом случае будут ждать «Волки» или «Орлы». Если не отточим каждую связку до автоматизма – прошляпим единственный шанс. Шанс на стипендию. На деньги. На свободу.

И тогда придется навсегда забыть о побеге из чертового дома.

– Дождись меня! Я быстро! – крикнул Ной через плечо.

Восемь команд. Один приз. И, будь я проклят, если его заберут не «Акулы».

Мы вернулись на поле и пахали до седьмого пота, пока солнце не закатилось за горизонт, окрасив небо багрянцем. Стадион погрузился в густые сумерки, в которых летящий мяч стал почти неразличим.

Глава 5

Кэмерон

Забросив сумку с формой и клюшку на заднее сиденье, я плюхнулся за руль и привычным резким движением вогнал ключ в зажигание. «Камаро» ответил низким, мощным урчанием, отозвавшимся легкой вибрацией в руле. Надо бы загнать в сервис, проверить движок – эта дрожь появлялась все чаще.

Включив фары, я уже потянулся к магнитоле, чтобы заглушить мысли тяжелым роком, как заметил знакомые фигуры на почти пустой парковке. Лини и Оливер похлопали друг друга по плечам и направились к моей машине. Лини постучал по стеклу, и я опустил окно.

– Подвезти? – спросил я, машинально косясь на оставшуюся троицу.

В свете фар маячили Ной с Кайлой, а чуть поодаль, неловко переминаясь с ноги на ногу, стояла Векса.

– Не, – Лини мотнул головой, – мы на моей.

Он ткнул большим пальцем через плечо, где в черный «Мустанг» уже запрыгивал Оливер. Из нашей четверки только он один еще не обзавелся машиной. Впрочем, неудивительно: наши достались в качестве откупных от вечно занятых родителей. Блестящий способ заставить нас помалкивать.

– Тогда до завтра. – Я выбил дробь пальцами по рулю, возвращая внимание к Ною. – В это же время. Без опозданий.

– Ага, – бросил Лини и зашагал к своему «Мустангу».

А Ной и Кайла, сплетя пальцы, побрели к кричаще-желтой «Тесле». Я нахмурился, наблюдая, как они захлопывают дверцы, оставляя Вексу одну на пустой парковке. Она поежилась, словно от внезапного сквозняка, и неловко обхватила себя за плечи, беспомощно озираясь по сторонам.

Неужели эти придурки всерьез бросили ее ночью на территории чужой школы? Ладно Ной – с этого бабника спроса нет, у него в голове только одно. Но ее подруга... О чем она, черт возьми, думала?

Я резко дернул рычаг в положение «Drive», вжал газ, и «Камаро» рванул вперед, затормозив точно напротив девчонки. Опустив стекло, я высунулся в окно:

– Они что, оставили тебя здесь одну?

Векса вздрогнула, словно очнувшись. Я заметил, как она нервно перекачивается с носка на пятку, поглядывая то на меня, то в густую темноту за выездом. Руки скользнули по рукавам и безвольно повисли вдоль тела. Наконец она нерешительно шагнула к машине.

– Все в порядке, – бросила она, отворачиваясь. – Мне тут идти всего ничего.

Она уже развернулась, чтобы уйти, когда я прикрикнул:

– Эй, постой! Где ты вообще живешь?

Она застыла в нерешительности и посмотрела на темную дорогу, ведущую в никуда. Словно проиграв внутреннюю борьбу, Векса медленно подошла к окну.

– На Мейплвуд-драйв, – выдохнула она.

Я сжал губы в тонкую линию.

– Ты издеваешься? Это же добрых пять кварталов. Ты что, собралась топать пешком? По этой темени?

– Все в порядке, – упрямо повторила она, и изо рта вырвалось облачко пара.

– Давай я тебя подвезу, – предложил я. Ее темные брови сошлись у переносицы, и она с откровенным недоверием покосилась на длинный капот. Я тут же нахмурился, поняв, как

двусмысленно это звучит, и поспешил добавить: – Ничего такого. Просто подброшу. Можешь сразу скинуть геолокацию Кайле, если волнуешься.

– Мне недалеко, я...

– Векса, – перебил ее я, и она снова вздрогнула. – На улице дубак. Хочешь свалиться с температурой прямо перед игрой?

Она помрачнела. Я проследил за тем, как судорожно дрогнуло ее горло. И догадался, о чем она думает: незнакомый парень, которого она видит первый раз в жизни, настойчиво зовет в машину. Любая на ее месте словила бы паранойю.

Наконец она сдалась, едва слышно выдавив:

– Только... если тебе и правда по пути.

Не дожидаясь ответа, она обошла машину и направилась к пассажирской двери. Я едва заметно ухмыльнулся, щелкнув кнопкой на дверной карте. Замки отозвались глухим щелчком.

– Ну разумеется, по пути, – пробормотал я, когда она уселась в кресло.

Векса старалась занять как можно меньше места, буквально вжимаясь в дверь. Чтобы не пугать ее еще больше, я плавно тронулся с места. «Камаро» послушно покатился к выезду.

Не успели мы проехать и пары метров, как сработала автоматика – замки заблокировались с тихим стуком. Векса вздрогнула и инстинктивно дернулась к ручке. Тут же выудила из зажатого на коленях рюкзака телефон и уткнулась в экран, яростно стуча по нему пальцами.

Отчитывается подружке.

Напряженная тишина в салоне стала почти осязаемой. Желая хоть как-то разрядить обстановку, я глупо ляпнул:

– Могу музыку включить. Если хочешь.

Я заметил, как она неуверенно потянулась к магнитоле, но замерла, словно ожидая подвоха.

– Смелее. – Я коротко кивнул на светящуюся панель. – Вкладка «Медиа», и крути громкость.

Она поджала губы, но все же потянулась к панели дрожащей рукой. Резкий тычок в экран – и салон взорвался оглушительным грохотом басов и визгом гитар. Стекла задрожали. Я сам едва не отпустил руль от неожиданности и второпях выкрутил ползунок вниз.

– Черт, – выругался я под нос. – Прости, забыл, что в последний раз слушал на полную. Не привык, что со мной еще кто-то ездит.

Векса поежилась, бросая настороженный взгляд то на меня, то на магнитоле. Ее нога тут же пришла в движение – колено задергалось в нервном, неконтролируемом тике.

– Ничего, – выдохнула она, надавив ладонью на бедро, будто пытаясь силой унять дрожь.

Она снова потянулась к панели, на этот раз увереннее. Тонкие пальцы ловко прокрутили список треков, и из колонок полились мощные, но уже более сдержанные басы «Out of the Black». Она тут же переключила композицию, листая трек за треком, и наконец спросила:

– У тебя вся музыка такая?

Я нахмурился, не отрываясь от дороги.

– Какая?

– Такая... агрессивная. Мозги выносит напрочь.

Я невольно усмехнулся. Она, сама того не зная, попала в яблочко. Поэтому я и врубал рок – чтобы неистовый звук выбивал из головы лишний шум и всю дурь, которую в меня вколачивали дома.

– Какая есть. – Я пожал плечами, кивнув на телефон в ее руках. – Можешь включить свою, если моя не нравится.

Она нервно сглотнула, сминая край платья. И только тогда до меня дошло: идиот, я опять напугал ее своей резкостью.

– Нет...

– Прости, – выпалил я почти одновременно с ней.

Мы коротко, смущенно переглянулись. Я заставил себя отвернуться и уставился на дорогу, сжимая руль чуть сильнее.

– Прости, что перебил. Говори, что хотела.

Векса снова коснулась экрана, прибавляя громкость. Из колонок четко ударили первые аккорды «Papa Roach». Она повернулась ко мне, все еще немного скованная.

– Я хотела сказать, что не против, – проговорила она быстро, почти тараторя. – Можем послушать и твою музыку.

В салоне снова повисла тягучая тишина, которую не могла заглушить даже музыка. «Камаро» неспешно катился по пустынным улицам в сторону Мейплвуд-драйв. Чтобы разрядить обстановку, я снова нарушил молчание:

– Так тебя правда зовут Векса?

Она поджала губы, опустив голову.

– Правда. – Ее взгляд скользнул вниз. – Разве не подходит?

– Вообще нет. – Я не сдержал усмешки. – Ты совсем не раздражаешь⁵. Разве что чуть-чуть.

Я и сам не понимал, что несу. Но, судя по ее ответной улыбке, она была не против.

– Кто знает, – выдохнула она, и в голосе появились игривые нотки. – Может, я умею удивлять.

– В этом я не сомневаюсь, – отозвался я. – Так ты раньше вообще не играла в лакросс?

Векса поерзала на сиденье, стараясь найти удобное положение. Краем глаза я видел, как она меня изучает: быстро проходится по рукам, цепляется за линии татуировок из-под рукавов и на секунду замирает на моем лице.

– Нет, – наконец ответила она. – Раньше я занималась... другим спортом. А потом пришлось бросить. Когда объявили турнир, я решила попробовать.

– А почему бросила? – спросил я.

Нога Вексы снова задергалась в знакомом нервном тике. Я тут же поправился, внутренне проклиная себя за бестактность:

– Прости. Больная тема?

Разговор с ней напоминал хождение по минному полю. Никогда не знаешь, сожмется она от страха или замолчит. Я словно вел мяч, заранее зная, что его вот-вот выбьют из клюшки.

– Да, – тихо пробормотала она. – Не хочу об этом.

– Понял.

Разговор не клеился. Я оставил тщетные попытки его поддержать, надавил на газ чуть сильнее и принялся барабанить пальцами по рулю в такт басам. Но, к моему удивлению, она нарушила молчание.

– А можно вопрос? – Ее голос прозвучал негромко, но четко. Я коротко кивнул. – Давно ты играешь в лакросс?

Я невольно ухмыльнулся, понимая, чем именно продиктован ее интерес.

– С тех пор как научился держать клюшку, – ответил я.

Векса замолчала и, кажется, задумалась. Она уже видела «Акул» на поле, видела наш стиль и теперь оценивала шансы своей команды. Что ж, рано или поздно мы все равно столкнемся. Пусть знает, с кем имеет дело.

– Могу я тоже спросить? – начал я и тут же добавил, предчувствуя реакцию: – Не самый тактичный вопрос, сразу предупреждаю.

– Д-да. – Ее голос дрогнул, но она тут же придала ему твердости. – Да, конечно.

⁵ От *англ. vex* – раздражать, бесить, досаждать.

Я невольно покосился на рукав ее платья, словно надеялся сквозь ткань увидеть те самые сине-желтые пятна. Меня подмывало спросить о них еще на трибунах. Но одно дело – выпытывать, за кого она играет, и совсем другое – лезть в чужие травмы.

Векса заметила мой интерес и одернула рукав, вцепившись пальцами в ткань у запястья. – Это не то, о чем ты подумал, – пробормотала она.

Как же. Я знал, что синяки у девочек могут появиться от чего угодно, но эти отметины... слишком уж они походили на отпечатки пальцев. На следы чьей-то грубой хватки.

– Я ничего не думал, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче. Свернув на нужную улицу, я крепче сжал руль. – Просто... если кто-то оставляет на тебе такие «украшения», об этом стоит рассказать.

Векса шумно, почти судорожно втянула воздух и отвернулась к окну, смахивая ладонью что-то со щеки.

– Поверь, я пыталась, – вдруг выдохнула она с таким отчаянием, что у меня внутри все сжалось. – И ничего не добилась.

Пальцы впились в руль до побелевших костяшек. К горлу подкатила едкая волна гнева. Слишком уж знакомо звучали ее слова – это чувство беспомощности, когда бьешься головой о стену, пытаясь достучаться до тех, у кого больше власти.

Не решившись больше давить, я вжал педаль газа в пол, желая поскорее закончить поездку. Тело требовало выброса – адреналина, драки, чего угодно, что вышибло бы из головы мысли.

Внезапная вибрация в кармане заставила меня вздрогнуть. Я на ощупь выудил смартфон, разрываясь между темной трассой и ярким экраном, пока пытался разобрать текст:

Тренер:

Расписание готово. Первый гостевой матч против смешанной команды.

– Что-то случилось? – тихо спросила Векса, заметив, как я нахмурился.

– Ничего серьезного. – Я бросил телефон на панель. – Тренер. Расписание матчей составили. Первая игра против какой-то новой смешанной команды.

Векса поджала губы, уставившись в темное лобовое стекло.

– Наверное, в этом сезоне полно новичков.

Я свернул на Мейплвуд-драйв, наклонившись к рулю, чтобы разглядеть номера на домах.

– Какой твой?

– Вон тот. – Она указала на скромный голубой коттедж с потрескавшейся белой отделкой.

Я сбросил скорость, плавно притормаживая у обочины. В салоне повисло неловкое молчание. Векса нервно потирала ладони, нерешительно переводя взгляд с меня на фасад, скрытый в полумраке деревьев.

– Спасибо... – наконец выдохнула она. – Ну, что подвез.

– Без проблем, – отозвался я. – Было же по пути.

Она кивнула, не уловив и намека на ложь. Я бы подвез ее, даже если бы она жила в соседнем штате, но догадывался: Векса не из тех, кто легко доверяет людям. Казалось, она скорее в одиночку переплывет океан, лишь бы не обременять кого-то своими заботами.

– Тогда пока, – отозвалась она, дернув ручку двери. – И удачи на игре.

Не успел я ответить, как она выпорхнула из машины. Я шумно выдохнул, глядя сквозь лобовое стекло на невысокую фигуру. Она почти бежала по тротуару, силуэт то появлялся, то исчезал в кругах света от уличных фонарей, пока не скрылся за воротами.

– И тебе удачи, Векс.

Векса

– Милая, ты сегодня поздно, – донесся из кухни усталый, но мягкий мамин голос.

Обычно в это время дом Уильямсов уже погружался в сон. Оуэну нужно было рано вставать на работу, Лою и Анне – в школу. А Алекс... Алекс либо смывался куда-то до утра, либо отрубался в комнате с бутылкой дешевого вишневого пива. Я отчаянно надеялась, что сегодня он выбрал первый вариант.

– Да, мам, прости, – бросила я через плечо, на ходу швыряя ботинки в общую кучу у входа. – С Кайлой гуляли, забыли про время.

Мама не спала – досматривала очередной сезон «Это мы» и увлеченно соединяла фигурки на айпаде.

Взлетев по лестнице, я замерла у двери. Потянулась к ручке, чувствуя, как дрожат пальцы. Темнота пугала меньше, чем то, что скрывалось за ней. Я заставила себя толкнуть дверь, вцепилась в провод и щелкнула выключателем. Теплый свет отвоевал комнату у теней.

Пусто.

Сердце, колотившееся в самом горле, начало успокаиваться. Я захлопнула дверь, дважды прокрутив замок, прислонилась к ней спиной и быстро сбросила школьное платье. Натянула потертые штаны и свободную футболку, в которой можно было утонуть. Забравшись с ногами на кровать, я взяла телефон. Большой палец замер над иконкой переписки с Тайлером.

Столько всего хотелось ему рассказать. Мы целый день не общались. Поделиться впечатлениями от первой тренировки, от этого странного ощущения клюшки в руках. Рассказать о прогулке с Кайлой и об игре парней из «Рэйвенкрофта»...

Внутри что-то болезненно сжалось. Стоило вспомнить события после тренировки, как колено непроизвольно подпрыгнуло. Тот парень... испещренный линиями татуировок. Его внимательные зеленые глаза. Взъерошенная челка, падающая на лоб.

Что-то в его взгляде – не колючее, а скорее понимающее – заставляло опускать защиту. Хотелось доверить то, что гложет изнутри, даже незнакомцу. Его слова казались грубыми, но в них не было фальши. То, как он неловко чесал затылок или как сжимал руль, когда речь зашла о синяках... в этом скрывалась странная, необъяснимая искренность.

Я покачала головой, потирая виски. Боже правый, я ведь даже не знаю, как его зовут. О чем я вообще думаю?

Пальцы потянулись к экрану, и через секунду на нем высветилась наша с Тайлером фотография. В динамике зазвучали протяжные гудки. Один... второй... третий... Я сбросила и тут же повторила вызов. Результат тот же.

Уже собиралась позвонить в третий раз, когда дисплей вспыхнул – фото Кайлы. Я, не раздумывая, приняла видеозвонок.

– Ви, прости, что так долго! – тут же выпалила она. Кайла нервно ерзала. В темноте виднелось только ее лицо, подсвеченное экраном. – С тобой все в порядке? Как ты добралась? Тебе стоило поехать с нами, на улице минус...

– Все хорошо, – прервала я этот поток. – Я уже дома. Добралась без проблем.

Ага, прокатилась с ветерком и татуированным незнакомцем.

Все же лучше, чем сесть в одну тачку с придурком, который отшил мою лучшую подругу дурацким шаблоном «прости, дело не в тебе». Нет уж, увольте. Если у Кайлы память оказалась меньше, чем эго Ноя, то у меня принципы еще остались.

– Ты точно не злишься? – с надеждой уточнила она. – Ной ведь предлагал поехать с нами...

– Все нормально. – Я прищурилась, пытаясь разглядеть фон за ее спиной. – Меня... меня кое-кто подвез.

Слова вырвались сами, прежде чем я успела их обдумать. Я тут же прикрыла рот ладонью, мысленно ругая себя за откровенность. Кайла резко обернулась к камере и ошеломленно уставилась на меня:

– Серьезно? Кто?

Я поерзала на кровати, и колено тут же отозвалось тупой болью. Набросив на плечи тяжелый плед, чтобы скрыть дрожь, я ответила:

– Не знаю. Тот парень, который утащил Ноя на поле. Он настаивал, что на улице мороз, и... сказал, если я не хочу слечь с температурой перед игрой, лучше сесть в машину. – Я на секунду замолчала, вспоминая. – Кажется, Ной называл его «Кэм».

Кайла снова резко повернула голову, и из динамика донеслось подозрительное шуршание. Она переводила взгляд то на меня, то на кого-то рядом, и внутри зашевелилась тревога.

– Кай? У тебя все в порядке?

– Д-да. – Ее голос прозвучал неестественно высоко. Она попыталась выпрямиться. – Да, все окей. Просто я... я с Ноем. И он ведет себя как полный придурок.

– В смысле?

Донесся низкий мужской смех. Кайла с виноватым видом развернула камеру, и в объективе мелькнуло знакомое лицо в обрамлении светлых кудрей. Ной вальяжно раскинулся на водительском сиденье «Теслы».

– Прости, детка, – фыркнул он, безуспешно пытаясь скрыть ухмылку ладонью. – Тяжело сдерживаться, когда слышишь, как тебя обсуждают. – Он наклонился к экрану и небрежно помахал мне. – Не обижайся, Ви, но ты говоришь так, будто запала на него.

Я почувствовала, как по щекам разливается густой жар, и прижала к лицу холодные ладони. Но прежде, чем я успела выдать хоть слово, Кайла встрепенулась:

– У нее есть парень, Ной! – Она повернула телефон так, чтобы в кадре были они оба. – И вообще, кто такой этот твой Кэм?

– Конченный зануда, – без раздумий выпалил Ной и тут же получил локтем в ребро. – Ай! Ладно, ладно. – Он поднял руки в примиряющем жесте. – Кэм – наш восьмой номер. Полузащитник. И капитан, который считает долгом выбить из нас всю дурь на тренировках.

– Вам это только на пользу, – бросила я, окинув Ноя самым презрительным взглядом, на который была способна.

– Эй! – Ной обиженно ткнул пальцем в камеру, будто пытаясь достать меня через экран. – Вообще-то мы и так выжимаем из себя все! Посмотрел бы я, как бы ты заговорила, окажись у тебя в команде такой тиран-психопат.

Несмотря на оскорбления, чувствовалось, что он говорит беззлобно. В его едкой усмешке сквозила странная теплота. И даже... уважение?

– Погоди-ка, а чего это ты так его выгораживаешь? – вдруг нахмурился Ной, придвинувшись к экрану. – Реально понравился?

Кайла снова ткнула его локтем, на этот раз сильнее. Ной поморщился, но по-прежнему ждал ответа.

– А-а, – самодовольно протянул он. – Шпионишь за соперниками, Ви? Умно. Очень умно.

– Нет, я не...

– Да все нормально, – перебил он, махнув рукой. – Подруга дело говорит. Будь я на твоём месте, тоже собирал бы инфу на соперника. Так хоть понимаешь, к чему лучше подготовиться, а на что можно забить болт.

Я открыла рот, чтобы ответить, как заметила движение. В щели под дверью мелькнула тень. Сердце ухнуло в пятки, во рту моментально пересохло.

– Мне пора, – выдохнула я и резко завершила вызов.

Экран погас. Я спрыгнула с кровати. Тень замерла. Дверь была закрыта, но замок его никогда не останавливал. Я метнулась к столу, схватила стул и подперла им ручку. Прижавшись ухом к косяку, я услышала тяжелое, сиплое дыхание.

А затем ручка дрогнула. Металл его ключа привычно скользнул в скважину, и замок поддался. Я изо всех сил вцепилась в спинку стула – последнюю хлипкую защиту против чудовища.

Дергания прекратились. Я на мгновение выдохнула, решив, что он отступил. Но тут из-за двери донесся тихий шепот, от которого кровь застыла в жилах:

– Можешь закрываться сколько угодно, Векса. – Голос звучал притворно-ласково, сладко и ядовито. – Но тебе не спрятаться.

Тень зашевелилась и исчезла. Я прижалась спиной к косяку и медленно сползла на пол. В ушах звенело, перед глазами плыли темные пятна. Обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь.

– Осталось совсем немного, – шептала я себе под нос. – Ему скоро наскучит. Игрушка сломана и скоро он найдет новую...

Глава 6

Векса

Прошло несколько дней с тех первых неуверенных проб. За ними последовала череда изматывающих тренировок: бесконечные передачи, ведение мяча, попытки сыграть в пас. Днем я пыталась нагнать упущенное в учебе, листая учебники до рези в глазах, а вечерами набивала руку с клюшкой, глотая обезболивающее, чтобы заглушить пульсацию в колене.

Но сегодняшний день был другим. Вчера тренер Морган огласила стартовый состав. Нам предстояла первая настоящая игра.

Когда я вошла в раздевалку, тошнота подкатила к горлу. Ладони взмокли, я вытерла их о платье. Воздух гудел: визг девичьих голосов, скрежет металлических шкафчиков, шуршание синтетики. Заметив Милу, я поспешно направилась к ней.

– Привет! – Она энергично махнула, стягивая майку. – Ну, как настрой?

– Ужасно нервничаю, – выпалила я, скидывая рюкзак и набирая код на замке. За дверцей ждала она – моя настоящая форма. – Кажется, меня сейчас вывернет наизнанку.

– Да брось, – фыркнула Мила, натягивая через голову черное джерси с номером «6». – На последней отработке все было отлично! Если будем играть в пас и не станем выпендриваться с трюками, сезон пройдет чисто.

Я шумно выдохнула, доставая форму. Прохладная ткань приятно холодила пальцы. Я расправила черное джерси и замерла, глядя на белую цифру восемь на спине. Моя цифра.

– Очень на это надеюсь, – прошептала я, стягивая платье.

Отвернувшись к стене, я поспешно надела джерси. Оно пахло стиральным порошком и чем-то новым. Следом пошли облегающие тайтсы, а поверх – свободные черные шорты.

Переодевшись, я достала из рюкзака телефон. Я ждала одно-единственное сообщение. От Тая. Он не смог прийти – сегодня у него сдача академического оценочного теста для колледжа. Ради этого ему пришлось ехать в Медфорд, ведь в Сильверпайне тестовых центров нет.

Новых уведомлений не было. Глупо надеяться, учитывая, что дорога долгая, а сам экзамен длится больше четырех часов. Но мне отчаянно хотелось получить хотя бы короткое «Удачи!».

– Эй, Уильямс! – раздалось у самого уха.

Я подскочила и обернулась. Мила склонила голову набок и прищурилась.

– Планируешь всю игру проторчать в телефоне? – Она постучала по запястью, где обычно носят часы. – Мы должны были выйти на поле две минуты назад.

– Извини, – пробормотала я, пряча мобильник. Мила проследила за движением.

– Ждешь важный звонок?

– Нет, – выпалила я, чувствуя себя нашкодившим ребенком.

Вдруг экран вспыхнул. Я тут же разблокировала его. Мила усмехнулась, словно говоря: «Ага, как же». Но чат с Тайлером остался пуст. Я нахмурилась: сообщение пришло с незнакомого номера.

Неизвестный:

Удачи, сестренка. Болею за тебя.

К горлу подкатил ком. Как он узнал? Я не говорила родителям, боясь скандала из-за колена. Оуэн бы только качал головой, а мама завела бы старую пластинку: «Ты чем думаешь? Хочешь как в прошлый раз?»

– Все в порядке? – спросила Мила, наблюдая, как меняется мое лицо.

Словно очнувшись, я швырнула телефон в шкафчик и захлопнула дверцу.

– Да. Все хорошо.

Опустившись на скамью, я принялась шнуровать бутсы, избегая ее взгляда. Ничего не хорошо. Реальность выползла наружу и дала под дых, нашептывая: *«Ты не справишься. Тебе не сбежать от того ада, который ты зовешь домом»*.

Я поджала губы, с силой затягивая шнурки, будто пытаюсь задушить этот голос в голове. Страх сменялся гневом.

Назло ему. Назло им всем. Я обязана это сделать. Тренироваться до кровавых мозолей, умирать на поле, лишь бы вырваться из этого тлена. Каждый забитый гол будет гвоздем в крышку моего старого гроба.

– Точно все нормально? – не унималась Мила. – Ты не думай, я не наседаю, просто... С такой миной надо не на поле выходить, а на ринг.

Я попыталась улыбнуться, но губы дрожали.

– Порядок. – И, пока она не продолжила допрос, поспешила сменить тему: – Кстати, а против кого мы сегодня играем? Тренер так и не сказала.

Мила резко вскинула голову, защелкивая зажим на плечевом щитке. Ее глаза округлились.

– Ты не знаешь?

Я помотала головой, затягивая жесткие липучки каркасного наколенника. Да, он заметный, но будет куда хуже, если нога подогнется на первой же минуте и меня унесут на носилках.

– Нет, откуда? – нахмурилась я. – Морган не говорила.

– На сайте академии уже вывесили сетку, – бросила она, срывая старый тейп с клюшки. – У нас первая игра с...

– Вы еще здесь? – Тренер Морган ворвалась в раздевалку штормовым ветром, окинув нас строгим взглядом. – Живо на поле! Будем разбирать схему.

Не дав никому вставить и слова, она выпорхнула за дверь. Я вопросительно взглянула на Милу, но та уже сунула мне клюшку с чистой синей обмоткой. Следом полетели перчатки. Плотная ткань туго обхватила пальцы, и ко мне тут же вернулось забытое ощущение контроля.

– Так с кем мы...

– На поле расскажу, – перебила Мила, затянув волосы в тугий пучок. – Морган нас живьем сожрет, если пропустим установку.

Она решительно подхватила меня под локоть и потащила к выходу. Из-за двери уже доносился гул трибун, пробивался звук школьного оркестра. Мурашки побежали по спине, стоило нам выйти из прохладной каменной арки тоннеля к скамейкам.

Морган всю жестикулировала перед командой:

– Первая четверть – разыгрываемся! – Ее голос разрезал воздух. – Не лезем на рожон, играем на удержание. Ищем слабые места!

Она бросила на нас взгляд, но не остановилась:

– Соперники – не новички. Они давят скоростью и рубят с плеча. Их сила в контратаках.

– Пусть сначала попробуют отобрать мяч, – усмехнулся Райан, нагло перекидывая клюшку из руки в руку.

Морган одарила его испепеляющим взглядом.

– Поверь, они попытаются, – бросила она, глядя через все поле.

Я проследила за ее взором. На противоположной стороне у трибун стояла команда в джерси цвета беззвездного неба. Они сбились в плотную группу. Серьезные, сосредоточенные, с отточенными до автоматизма движениями.

– Забудьте про долгое владение, – продолжала Морган. – Чем дольше мяч в сетке, тем проще его выбить. Наша тактика – быстрая атака. Работаем через нападающего.

Морган смерила меня ледяным, тяжелым прищуром. От ее внимания не укрылось, что я витаю в облаках.

– Райан, с вбрасывания забираешь мяч и уходишь на правый фланг. Оттуда – длинная передача на Вексу.

Райан фыркнул, и его лицо исказилось в брезгливой гримасе.

– Вы хотите поставить в нападение *ее*? – Его брови поползли вверх. – Да она ни одного мяча в ворота не положит.

– Если перебежешь меня еще раз, – голос Морган стал тихим и опасным, – просидишь на скамейке до финального свистка. Понял?

Райан заметно сдулся, стиснув челюсти и нервно дернув ремешок шлема. Жаль, у меня не было с собой попкорна, чтобы насладиться этим зрелищем сполна.

– А что дальше? – спросила девчонка из параллельного класса.

– Векса ловит длинную и сразу отдает пас. – Тренер кивнула Миле. – Либо на Стил в центр, либо Уильямс бросает сама, если есть момент. Нам нужен быстрый гол, чтобы подавить их. Всем ясно?

Игроки синхронно кивнули. С центра поля прозвучал резкий, пронзительный свисток. Мы разом вздрогнули.

– Все, на позиции! Быстрее! – засуетилась Морган, выталкивая нас на газон. – Не зевать!

Желудок сжался в холодный ком. Знакомая предательская дрожь кольнула под чашечкой. Игнорируя ее, я натянула шлем и защелкнула замок под подбородком.

– Я все еще считаю, что позиции – полная чушь, – проворчал Райан, вставая рядом. – Надо играть через фланг короткими передачами. А не кидать длинные на новичка.

– Будь ты тренером, мы бы, может, и прислушались, – фыркнула Мила, вставая между нами живым щитом. – А пока займи место, отбери мяч и делай что сказано.

Райан расправил плечи, джерси с номером «3» натянулась на груди.

– Я, вообще-то, капитан этой команды, кошечка, – съязвил он. – На всякий случай напоминаю.

– Вот это я и называю неправильным распределением, – парировала Мила, лениво покручивая клюшку в руке.

Мы заняли позиции, опустившись в низкую стойку и прижав сетки клюшек к траве. Сквозь металлическую решетку шлема я видела, как соперники зеркально повторяют наши движения. Они казались выше, шире в плечах, собраннее. Синие джерси выглядели монолитной стеной.

И что самое тревожное – в их составе не было ни одной девушки. Чисто мужская команда. Насколько они будут соблюдать правила? Если нет, колено не просто подведет – его вывернут наизнанку.

– Все на позициях! – прозвучал голос судьи.

Пальцы в перчатках до боли впились в рукоять. Перед глазамиплыли синие фигуры. К центру поля вышел судья в ярко-красной форме и замер между двумя соперниками, опустив мяч между их клюшками. Я видела, как часто вздымается спина Райана.

Все теперь зависело от него. Если он заберет мяч – план сработает. Проблема в том, что первой целью для передачи буду я. И мне нужно избавиться от мяча быстрее, чем «синие» успеют до меня добежать.

Оглушительный свисток выбил все мысли. Тело среагировало раньше сознания – я рванула с места.

Игра началась.

Я мчалась вперед, пытаюсь сквозь мельтешение синих фигур разглядеть черную форму под номером «3». Райан, ловко выиграв вбрасывание, уже несея по правому флангу. Клюшка одного из соперников со свистом рассекла воздух в дюйме от его плеча, но промахнулась.

Боже правый! Прямой контакт запрещен, но с той силой, с какой они машут клюшками, можно запросто остаться без зубов.

Левый фланг был почти пуст. Сжав рукоять так, что пальцы онемели, я петляла между массивными игроками. Пульс оглушительно бил в виски, заглушая все остальные звуки. Сколько бы лет я ни отдала гимнастике, такого дикого драйва, как в командной схватке, я не испытывала никогда.

– Уильямс! – донесся крик с другой половины поля.

Я инстинктивно вскинула голову и подняла клюшку. По высокой дуге над головами соперников летел мяч. Мозг пронзила мысль: перехватят. Если не нырнуть навстречу, они выбьют его в воздухе.

И я побежала. Игнорируя пронзительный хруст в колене и гул в ушах, рванула к центру, выставив клюшку как щит. Все слилось в размытое пятно: синие вспышки, зелень газона, черные джерси... Я видела только белый вращающийся шар.

Перед глазами мелькнул огромный игрок с номером «8» на груди. Я резко ушла в сторону и прыгнула вперед и вверх – как когда-то на брусках.

Глухой стук. Я тяжело приземлилась на траву. Задышавшись, посмотрела на клюшку – упругий мяч покорно лежал в сетке.

– Не стой, передавай! – прорезал воздух голос Морган.

И тут передо мной вырос соперник. Восьмой номер. Внутри что-то коротко замкнуло от вспышки пронзительно-зеленого сквозь решетку забрала. Но думать было некогда. Восьмой уже заносил клюшку для удара. Я рванула в сторону, прицелившись в ворота.

– Передавай, мать твою! – взревел с центра Райан, несясь на меня как торпеда.

Я приняла отчаянное решение. Оббежав вынырнувший из ниоткуда девятый номер, крутанулась на опорной ноге и забросила клюшку за плечо. Бросать самой – единственный шанс забить.

Мяч со свистом прочертил дугу, целясь в «девятку». Все замедлилось: вратарь вытянулся в струну, сетка потянулась к снаряду... Но он опоздал. Мяч со звенящим ударом угодил в штангу и отскочил в поле, за линию.

Я промахнулась. Один шанс – и я его упустила.

Оглушительный свисток прорезал воздух. Ко мне тут же подлетел Райан, срывая шлем. Лицо было перекошено яростью.

– Какого черта, Уильямс? – рявкнул он так, что слюна брызнула в забрало. – Тебе сказали – пас! Зачем ты пошла в нападение?

– Мне сказали забивать или передавать! – огрызнулась я, сжимая клюшку так, что кожа перчаток затрещала.

– Так и надо было передавать! – Он ткнул пальцем в сторону пустых ворот. – Ты видела расстояние? Ты кто, на хрен, Джаррод Ньюманн⁶, чтобы забивать с таких дистанций?!

Он грубо пихнул меня в грудь. Защита смягчила удар, но воздух все равно вырвался из легких со свистом. Между нами тут же вклинилась Мила.

– Завязывайте, оба! – прикрикнула она. – Оставьте разборки для раздевалки. Морган ждет, шевелитесь.

Мы побрели к бровке, где местная группа поддержки в ярких бомберах уже заводила новый крик.

– Уильямс, у тебя проблемы с глазомером? – Морган скрестила руки на груди, излучая ледяное спокойствие. – Сдвинь ты кисть на дюйм при замахе – и мы бы сейчас вели в счете.

⁶ Джаррод Ньюманн – профессиональный игрок в лакросс, рекордсмен по скорости броска (более 190 км/ч), прославившийся голами с дальних дистанций.

Я молчала, чувствуя, как горят щеки под шлемом. Руки предательски дрожали, и я прижала клюшку к себе, словно она была единственной опорой в этом хаосе.

– А я говорил этой идиотке...

– Помолчи! – Морган оборвала Райана коротким жестом. – Меняем схему. Переходим на «зону». Стил, уводишь защиту на правый фланг, создавай перегруз. Как только заблокируют – быстрый перевод верхом на левый край. Райан, ты на приеме.

Она уставилась на него так, будто пыталась выжечь на его сетчатке схему игры.

– Действуешь по ситуации: либо моментальный прострел на пятак, либо бросок, если увидишь чистый коридор. Понятно?

– Опять?! – Райан всплеснул руками. – Снова играть через Уильямс? Да мы просадим сезон в первом же туре!

Судейский свисток прервал его тираду. Команда соперника уже выстроилась на поле – синие джерси ярко горели на солнце, как свежеевыкрашенные капоты маслкаров. Я тут же выцепила в их рядах противника с моим же номером – «8».

Он стоял ко мне спиной, разминая плечи. Движения были скупыми, профессиональными – так разминаются те, кто знает, что победа уже в кармане. Словно почувствовав слежку, он медленно повернул голову.

По спине пробежал ледяной холод. Сквозь прутья забрала на меня смотрели до боли знакомые зеленые глаза, а в голове эхом отдался его спокойный голос: *«С тех пор как научился держать клюшку»*.

Нет... Этого просто не может быть!

– Команда – это когда вы доверяете друг другу, а не пытаетесь сожрать соседа по полю. – Голос Морган вернул меня в реальность. – Лакросс не прощает одиночек. А теперь – на газон! Выдайте мне чистую игру!

Кэмерон

Свисток сработал как рубильник, разом обесточив все за пределами белой разметки. Ноги сами понесли меня вправо. Я чувствовал запах скошенной травы и разогретой на солнце резины. Ной выиграл вбрасывание и уже заносил клюшку для паса. Передача вышла волшебной – Лини принял ее в прыжке, почти не сбавляя темпа.

Теперь дело за малым: растянуть их оборону. Я видел, как защита «Воронов» нервничает – они жались друг к другу, оставляя дыры на флангах. Типичная ошибка тех, кто слишком боится пропустить. Мне нужно было только вовремя открыться под пас Ноя – если этот придурок снова не решит, что он звезда *Sports Illustrated*, и не передержит мяч.

Я мельком глянул на их «восьмерку», перекрывающую мой коридор. Маленькая, юркая, в черном джерси. И, судя по тому, как она переминается, – с серьезным косяком в колене: под шортами блеснул каркас жесткого ортеза.

Выпустить на поле игрока с травмой против «Акул» – все равно что выставить против танка парня с рогаткой. В «Рэйвенкрофте» нас учили: видишь слабость – бей по ней без раздумий. Это не жестокость, это механика игры.

К середине третьей четверти игра превратилась в бессмысленную возню. Я посмотрел на табло: 1:0 в пользу «Акул». Мы вырвали очко во второй четверти, и с тех пор игра замерла. Нам же лучше: если «Вороны» и дальше будут метаться по полю как угорелые и орать друг на друга, к финальной сирене победа будет за нами.

Лини резко дернулся вперед, и мяч по высокой дуге вылетел из его сетки. Прямо к Ною. Тот рванулся навстречу, занося клюшку, но из ниоткуда вынырнул их полузащитник под номером «3». Раздался оглушительный треск дерева о дерево. Мяч выскочил, а кончик клюшки Ноя со всей дури прилетел ему же по шлему.

Я поморщился, подбегая ближе.

– Хватит ворон считать! – рявкнул я, не сбавляя темпа.

– Да тут кроме этих ворон и считать-то нечего! – огрызнулся Ной, уже отступая на фланг.

Мяч тем временем прыгал от игрока к игроку. Игра в одно касание – грязная, сумбурная, совсем не тот стиль, к которому нас готовили.

– Действуй по схеме! – бросил я ему напоследок.

Мяч снова оказался у третьего номера «Воронов», который рванул вперед. Он технично обошел нашего запутавшегося нападающего и приготовился к броску.

Твою мать!..

Я рванул наперерез, заметив, что Лини уже заходит с другой стороны. Кто-то из нас должен был «закрыть» его раньше, чем противник совершит бросок. Счет шел на миллисекунды.

Краем глаза я увидел замах. Третий номер выдал мощный шот⁷. Мяч, бешено вращаясь, понесся к воротам. Я вытянулся в прыжке, едва задев его кончиком сетки – лучше уж аут, чем гол.

Бесполезно. Траектория не изменилась. Белый мяч по-прежнему летел прямиком на Оливера.

– Давай, Ол! – прорычал я.

Вратарь взмыл вверх, перекрывая верхний угол, но мяч прошел воздух, пронесся в дюйме над перчаткой и впечатался в сетку.

Надсадный рев сирены ударил по ушам. 1:1. «Вороны» сравнивали. Трибуны старшей школы Сильверпайна взорвались так, будто они выиграли чемпионат штата.

⁷ Шот (от *англ.* shot) – в лакроссе и других командных видах спорта: прицельный бросок или удар по воротам.

Мы ушли на перерыв перед решающей четвертью. Втиснувшись в круг команды, я грубо хлопнул Оливера по наплечнику.

– Как можно было его пропустить? – Мой голос прозвучал резче, чем следовало. – Мы сотни раз отрабатывали центр. Почему ты берешь только верх?

Оливер беспомощно развел руками, пряча взгляд за решеткой шлема.

– Отстань от него, Кэм. – Ной втиснулся между нами, тяжело дыша. – Винить надо не его, а тех, кто вообще допустил этот прорыв.

– Намекаешь, что это мой косяк?

– Наш, – поправил он, тыча пальцем мне в грудь, а затем в свою. – Мы их недооценили. Думали, это будет прогулка за грантом. Их третий номер играет по-грязному, жестко, а эта шестая... она выдает чертовски точные передачи. Если стянуть их в центр, можно попробовать пробить через полузащиту.

Он был прав. «Вороны» вцепились в Ноя как клещи, зная, что он наш главный снайпер. Лини тоже облажался – вместо того чтобы пасовать мне, он пытался всучить мяч девятому номеру, который сегодня явно забыл, какой стороной держать клюшку.

Я обернулся к полю. Игроки старшей школы Сильверпайна ликовали. В их центре стояла та самая «восьмерка». Она что-то горячо обсуждала с шестым номером, и я заметил, как она осторожно пробует колено, слегка сгибая его под нагрузкой.

– Ну вы даете, парни, – раздался сухой голос Маркуса. Он встретил нас у скамейки, сжимая планшет с тактической схемой. – Ладно, Оливер. – Тренер кивнул вратарю, который нервно тербил сетку клюшки. – Но ты-то, – взгляд переметнулся на Ноя, – как мог прохлопать такой простой чек?

– Я его не прохлопал! – взорвался Ной, срывая шлем. Лицо было пунцовым, волосы прилипли ко лбу. – Этот придурок просто вписался в меня на полной скорости!

– Ага, конечно, – усмехнулся Маркус. – Я с другого конца поля слышал, как твоя клюшка щелкнула по забралу. Звон стоял на всю округу.

Парни разразились хриплым, уставшим смехом. Лини похлопал Ноя по наплечнику, но тот лишь раздраженно отмахнулся.

– Потому что тактика – отстой! – не унимался Ной. – Мы играем в их игру. Нужно разорвать оборону, вытянуть этих цепных псов в центр, и тогда мы прошьем их с фланга.

Маркус нахмурился. При всей придурковатости Ной иногда выдавал идеи уровня национального чемпионата. Нам нужно было перестать осторожничать. Раньше, в мужском лакроссе, проблему решили бы парой жестких силовых приемов в корпус, просто высадив половину их команды на газон. Но с новыми правилами приходилось хитрить.

– Ты прав, – наконец выдал Маркус, потирая переносицу. – Тянем их в центр. Ной, твоя задача – кошмарить защиту. Заставь их поверить, что вся игра идет через тебя.

– Сделаю в лучшем виде, – кивнул Ной, и в его глазах вспыхнул жадный азарт.

– Линкольн, – тренер переключился на четвертого номера, – твоя зона – правый край. Никаких «дыр». Любую попытку прохода справа гаси в зародыше.

Лини молча кивнул, перехватывая рукоять. Наконец Маркус добрался до меня.

– Идем правым флангом. Ведем мяч через полузащиту короткими пасами. И в решающий момент – резкий диагональный перевод в центр на Кэма.

Я кивнул, мысленно прорисовывая маршрут. Правый фланг, растяжка, серия быстрых передач... и ярываюсь в «краску»⁸ на финишную прямую.

⁸ «Краска» – сленговое название наиболее опасной зоны непосредственно перед воротами противника, где концентрация игроков и борьба максимальны.

– И главное – позиции! – рывкнул Маркус, когда над полем раздался свисток. – Ловим их на контратаках, но помним про правила! Не давайте судье повода выкинуть вас с поля за лишний контакт!

Мы натянули шлемы и двинулись на газон. Я занял позицию в центре, опустившись в низкую стойку.

Третий номер «Воронов» опустился напротив. Сквозь решетку я видел, как его ноздри раздуваются от адреналина. От него разило дешевым энергетиком и злостью.

– Готовьтесь вылететь из сетки в первом же раунде, – прошипел он.

– Мечтай, – бросил я в ответ, чувствуя, как холодная ярость вытесняет усталость.

Свисток. Мяч у «Воронов». Ной, не дожидаясь, пока они разыграют комбинацию, рванул в гущу. Он не церемонился – резким, хлестким движением щелкнул снизу по клюшке их «третьего». Раздался сухой треск. Мяч, словно выбитая пробка, выскочил из сетки.

Ной на миг потерял равновесие, завалившись на бок, но тут же восстановил баланс, сделал молниеносный замах и с победным стуком поймал снаряд.

Отлично. Черт возьми, идеально.

Он стянул на себя сразу двоих защитников, освобождая коридор, и коротким пасом отдал мяч Лини. Четвертый номер, не сбавляя оборотов, рванул вперед. Его клюшка со свистом рассекала воздух – чистый прием, «Вороны» даже не успели перестроиться.

Мозг отключился, уступая место рефлексам. Я рванул к «краске», выставив клюшку. По бокам от Лини уже нависали черные тени.

Давай, чел. Не подведи.

Он резко занес руку за плечо. Мяч вылетел из сетки и понесся ко мне по низкой, агрессивной траектории. Я рванул навстречу, подпрыгнул, ловя мяч в воздухе, и вложил весь вес в бросок.

Все помутнело. Обрывки кадров: белый мяч, летящий в цель. И черная фигура, вынырнувшая из слепой зоны. Мы столкнулись, когда я был в воздухе, лишенный опоры. Потеряв равновесие, я инстинктивно взмахнул клюшкой и почувствовал, как древко с глухим стуком врезалось во что-то твердое.

Оглушительный, захлебывающийся свисток судьи прорезал гул трибун. Игроки замерли.

Я опустил голову. У ног, на вытоптанном газоне, корчилась фигура в черном джерси с цифрой «восемь» на груди. Она сжалась в комок, подтянув колени к себе, и беззвучно, страшно содрогалась.

– Отойди! – Чья-то грубая рука отшвырнула меня. – Расступитесь!

Это была тренер «Воронов». Она рухнула на колени перед игроком. Быстрыми, натренированными движениями отстегнула шлем и сняла его, фиксируя шею. Темные пряди, мокрые от пота, налипли на бледное лицо. Тренер смахнула их.

И тогда я увидел ее.

Я сорвал шлем и швырнул его на траву, впиваясь пальцами в волосы. Ко мне подбежал Ной, его рот открывался, он что-то орал, но я не слышал ни звука – только звон в ушах и канонаду сердца.

На траве, неестественно подогнув ногу в блестящем металлическом ортезе, лежала Векса. Без сознания. Ее лицо побелело, губы плотно сжались от шока.

– Ты как ее, черт возьми, не заметил?! – Голос Ноя наконец прорвался сквозь вату. Он усталился на лежащую девушку, и его глаза расширились. – Твою ж мать... Векса...

Кругом зашумели. Из-за трибун высыпали парамедики с оранжевыми аптечками и складными носилками. Мы молча расступились, образуя живой коридор. Я стоял как вкопанный, наблюдая, как ее осторожно, словно хрустальную, перекладывают на жесткий щит.

Я зацепился за табло. Оранжевые цифры жгли сетчатку: 1:1. Ничья. Этот счет теперь висел над полем как смертный приговор.

– Ты меня слышишь, Кэм?! – Ной вцепился в мои плечи. – Кэм!

– Да, – выдохнул я. Губы онемели, вкус меди во рту стал невыносимым.

А потом ноги сами понесли меня. Я рванул с поля, не оглядываясь. Плечом задел кого-то из игроков, проигнорировал яростный оклик Маркуса. Я бежал, не разбирая дороги, вслед за носилками – к арке под трибунами, пахнувшей сырым бетоном и медикаментами.

Глава 7

Кэмерон

Вексу увезли в центральный госпиталь Сильверпайна. Сорвавшись с поля, я прыгнул в «Камаро» и, как одержимый, погнал вслед за амбулансом, игнорируя светофоры и сигналы встречных машин. И вот сейчас, стоя в стерильном, пахнущем хлоркой и страхом коридоре, я пытаюсь пробиться через стену бюрократии.

– Вы меня не слышите? – холодным тоном произнесла медсестра за стойкой триажа. Она смотрела на меня снизу вверх как на досадное недоразумение. – Туда нельзя. Идет осмотр. Ждите в зоне для посетителей.

– Мне нужно ее увидеть, – прорычал я, сжимая кулаки. Перчатки я сорвал еще в машине, и теперь костяшки побелели от напряжения. Каждый мускул в теле натянулся как струна.

– Ждите! – отрезала она и зашагала прочь, чеканя шаг каблуками по глянцевого полу.

Я запустил пальцы в волосы и сжал их у макушки. Адреналин, остатки предматчевого драйва и дикая, липкая беспомощность смешались в крови, пульсируя в висках.

– Твою мать, твою мать... – бессвязно бормотал я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

– Кэм!

Я резко вскинул голову. С другого конца коридора бежал Ной. За ним, едва поспевая, семенила Кайла. Ее лицо посерело, а огромные глаза наполнились слезами.

– Какого черта ты свалил, не сказав ни слова? – налетел на меня Ной. – И на кой хрен тебе телефон, если ты не берешь трубку? Мы полгорода объехали, пока сообразили, куда тебя понесло!

Его голос превратился в фоновый шум, царапающий слух. Не ответив, я рухнул на жесткий пластиковый стул, уперся локтями в колени и вдавил пальцы в виски. В голове вспыхнул тот проклятый разговор на трибунах:

– *Вы тоже участвуете в турнире? Какая школа?*

– *Старшая школа Сильверпайна.*

Идиот. Дебил. Кретин. Сегодняшняя игра – гостевой матч на территории Сильверпайна. Ее школы. Как я не догадался? И как, черт возьми, я ее не заметил? Я ведь видел этот ортез. Видел, что восьмой номер бережет ногу. И все равно ударил в ту сторону.

Ной тяжело опустился рядом. К моему удивлению, он не продолжил орать, а молча хлопнул меня по плечу, и его рука так и осталась лежать на наплечнике.

– Как она? – Голос друга прозвучал непривычно тихо, без вечной бравады. – Что говорят?

– Понятия не имею, – выплюнул я. – Меня не пускают. Говорят: «Идет осмотр».

Голос сорвался. Боль от сжатых в руках волос на секунду прояснила сознание. Коридор госпиталя гудел, как потревоженный улей: сновали медсестры, громко перекликались дежурные врачи, звенели металлические тележки. Этот шум давил на череп, не давая вздохнуть.

Я злился на все сразу. На организаторов с их идиотскими правилами. На тренеров, допустивших ее к игре. Но больше всего – на самого себя. На потерю контроля, на эту слепую, выжженную ярость, которая всегда вела меня к победе любой ценой.

Молодец, Кэм. Просто блестяще. Десять из десяти.

– Эй, чел, – тихо пробормотал Ной, похлопывая меня по спине. – Не загоняйся. Уверен, все не так страшно. Просто ушиб, ну, максимум – трещина.

Я резко вскинул голову, уставившись на Ноя с таким убийственным видом, что он осекся.

– Ушиб? – Брови взлетели вверх. Кровь ударила в лицо. – Да я по ней так вмазал, что там минимум перелом со смещением!

Я вскочил. Пластиковое сиденье жалобно хрустнуло. Начал мерить шагами коридор: пять шагов до автомата с колой, резкий разворот, пять шагов до скамейки. Кипящая внутри ярость отчаянно требовала выхода, хруста и боли. Если бы кто-то встал у меня на пути, я бы просто побил его в этот глянцевоый пол.

– Кэм, – снова позвал Ной. Я остановился, прижавшись спиной к двери смотровой. – Послушай меня.

– Чего?!

Ной подошел вплотную. Его ноздри раздувались, от него пахло потом и дешевым освежителем «Новая машина». Он посмотрел на Кайлу – та сидела на стуле, сжавшись в комок, и смотрела на нас, как побитая собака. Она едва заметно кивнула.

– Я знаю, сейчас не лучшее время, – начал Ной, нервно почесывая затылок. – В общем, я говорил с Маркусом. И с представителем комитета турнира.

– Да выкладывай ты уже! – рявкнул я.

– Ты нарушил правила, Кэм. Снес игрока в воздухе и долбанул по ней клюшкой. Со стороны выглядело как намеренный фол. – Он сократил дистанцию до минимума. – Комитет в бешенстве. Они обсуждают вариант дисквалификации до конца сезона. А для «Акул» это значит «техничка»⁹ и вылет из турнира.

Воздух вырвался из легких, словно меня ударили под дых титановым shaftом. Светлые кудри Ноя поплыли перед глазами.

– Это случайность! Игровой момент!

– Кэм. – Ной попытался положить руку мне на плечо, но я резко дернулся. Его лицо исказилось. – Комитету плевать. Либо тебя отстраняют, либо нас ждет дисквалификация всей команды. Матч не доигран. И если «Вороны» просто потеряли игрока, то нас вышвырнут за неспортивное поведение. За «чрезмерную жестокость».

Ярость рванула наружу. Развернувшись, я со всей дури впечатал кулак в оштукатуренную стену. Раздался сухой, мерзкий хруст. Руку прошила ослепительная белая боль. С потолка посыпалась пыль, оседая на плечах, а костяшки мизинца и безымянного разодрались в кровь.

– Черт! Черт! Черт!

Покалечил девчонку. Сорвал игру. Подставил парней. Что дальше? Вылет из школы?

– Твою ж мать, Кэм! – взревел Ной. Он схватил меня за плечи и впечатал спиной в стену, которую теперь украшала вмятина с алыми мазками. – Дай мне договорить, идиот!

Я тяжело дышал, чувствуя, как пульсирует разбитая рука. Ной не отпускал, его глаза бешено горели всего в нескольких дюймах от моих.

– Этого не случится, – прошипел он сквозь зубы, – если она подпишет отказ от претензий. Харрисон из комитета намекнул: если пострадавшая сторона подтвердит, что это несчастный случай, дело замнут.

Я нервно усмехнулся. От боли в руке темнело в глазах.

– Серьезно? Просто махнул рукой? Ты сам-то в это веришь?

Ной закатил глаза:

– Кэм, ты – лицо «Рэйвенкрофта». Один из лучших в штате. У школы есть спонсоры, у лиги есть интересы. Им не нужен скандал с избиением девчонки на поле. Им нужен чистый протокол. Если Векса подпишет бумагу, что не имеет претензий к тебе лично и к команде – мы в игре. Но если она или ее предки решат подать в суд... тогда нам всем крышка.

Он отпустил мои плечи и сделал шаг назад.

⁹ Техническое поражение – зафиксированный проигрыш команды, который присуждается за грубое нарушение регламента, неявку или срыв матча, без учета текущего счета на табло.

– Тебе нужно пойти туда и убедить ее, Кэм. Прямо сейчас. Пока ее родители не превратили это в юридический ад.

Его слова звучали как бред.

– И что ты предлагаешь? – Я развел руки, и боль пронзила окровавленные костяшки острой иглой. – Вломиться к ней и сунуть под нос бумажку? Ты себя слышишь, Ной?

Единственное, о чем я мог думать, – сможет ли Векса вообще ходить. Я мог в щепки раздробить ей сустав, а этот идиот трещит о карьере и имидже школы.

– Хрена с два! – прошипел я, вцепившись пальцами в его джерси. – Я не буду заставлять ее подписывать эту х...

Резкий, отрывистый звук шагов заставил меня замолчать. Мы синхронно обернулись. К палате шел коренастый парень с темными, чуть выющимися волосами. Увидев нас, он замедлил ход. Его глаза еще больше сузились, изучая нас с явным подозрением.

– Вы... – начал он, но его перебил скрип открывающейся двери.

Из палаты вышла медсестра. Она посмотрела на ерзающую Кайлу, потом на незнакомца – и наконец остановилась на нас. Ее губы приоткрылись от изумления – мы с Ноем в грязной форме и с разбитыми руками выглядели как выходцы из бойцовского клуба.

– Она... – Медсестра осеклась, судорожно перелистывая папку. – Пациентка пришла в сознание. Первичный осмотр закончен. Вы можете навестить ее. Но только по одному.

Я рванул к двери, но медсестра ловко перегородила путь плечом. Ее глаза скользнули вниз от лица к окровавленному кулаку. Я сунул руку в карман шорт, чувствуя, как липкая кровь пачкает ткань.

– Я пойду первым, – неожиданно заявил незнакомец, делая шаг вперед. – Я ее парень.

Я нахмурился, вновь оценивая его. Векса не упоминала, что у нее есть парень. И тут в памяти вспыхнуло, как кадр из хоррора: затравленный вид, неконтролируемая дрожь. И ее предплечье в лилово-желтых синяках.

Отпечатки пальцев.

– Так это ты... – прорычал я.

Тело среагировало быстрее мозга. В следующее мгновение я уже впечатал его в холодную штукатурку. Затылок парня с глухим стуком ударился о стену.

– Ты спятил?! – прошипел он. Пальцы впились в ворот моего джерси. Запах дешевого одеколona смешался с запахом пота и страха.

– Синяки на ее руках, – выдавил я сквозь зубы, прижимая его сильнее. – Твоих рук дело?

Его лицо исказилось. Он скользнул по моему номеру и резко поднял голову. В глазах мелькнуло понимание, а следом – холодная ярость.

– Так ты и есть тот самый «восьмой»... – прошипел он, сминая форму. – Это из-за тебя она здесь!

– Отвечай на вопрос, ублюдок! – рявкнул я. – Следы от пальцев на руках. Ты ее хватал? Если я узнаю, что ты к этому причастен, клянусь, ты отсюда не выйдешь!

– Хватит! – Ной грубо вцепился в плечо и оттащил назад. – Остынь! Там девчонка ждет, а ты устраиваешь здесь гребаный ММА!

Шумно выдохнув, я оттолкнул Ноя и рванул к двери. Позади донеслось возмущенное «Какого черта?!», но я уже не слушал. Ворвался в палату и захлопнул дверь. Дерево громко клацнуло о косяк.

Воздух здесь был густым и стерильным, пахнувшим антисептиком. Яркие лампы дневного света на мгновение ослепили. Проморгавшись, я увидел в конце бокса белую койку.

Векса

Знакомый мерзкий писк монитора пробивался сквозь глухую пелену. Я уже открывала глаза пару минут назад, видела белый ровный потолок и снова закрывала их, надеясь, что это всего лишь затянувшийся кошмар. Один из тех, что преследовали меня месяцами: свет софитов, неловкое приземление, хруст сухих веток в суставе и обжигающая боль.

Но реальность отрезвляла. Слишком уж едко воняло спиртом – вплоть до рези в носу. Слишком больно били по глазам люминесцентные лампы. И слишком реально звучал приглушенный шепот совсем рядом.

– ...и какие у нее шансы? – донеслось сквозь дремоту.

Где-то в районе бедра начала пульсировать тупая, тянущая боль. Нога казалась огромной и чужой, словно ее замуровали в бетон.

– Прогнозы неплохие. Жесткий ортез принял на себя основной удар, распределил нагрузку, иначе кость бы просто раздробило, – отозвался другой голос, уверенный и профессиональный.

Послышался шелест карты и щелканье ручки. В моем состоянии каждый звук казался ударом молота по вискам.

– Но допускать ее к играм в этом сезоне... – голос стал непреклонным, – я категорически против. Судя по анамнезу, полгода назад была пластика ПКС. Трансплантат еще не до конца прижился, сосуды не проросли в ткань.

– И чем это ей грозит? – В низком голосе я с трудом узнала тренера Морган. В нем не было привычной стали, только усталость.

– Она прошла реабилитацию, но сустав по-прежнему нестабилен. – Врач перелистнула страницу. – Любой боковой удар, как сегодня, – это риск рецидива. Сейчас мы имеем частичное растяжение и сильный ушиб мягких тканей. По сути, она легко отделалась. Еще пара миллиметров – и колено пришлось бы собирать по частям.

Я зажмурилась, пытаясь отогнать воспоминания. Они наваливались лавиной: рев трибун, летящий мяч, выросший из слепой зоны номер «8» перед глазами, прыжок и... вспышка, выжегшая все остальное.

– Векса? – Голоса стали громче.

Я со стоном попыталась приподняться на локтях. Под чашечкой тут же кольнуло – остро и тошнотворно знакомо. Я скривилась, падая на подушки.

– Ты как? – рядом возникла медсестра, мягко подхватив меня под плечи. – Не делай резких движений. Голова кружится? Тошнит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.